

Марина Эльденберт

Палящая для дракона. Книга 2

«Литнет»

2022

Эльденберт М.

Парящая для дракона. Книга 2 / М. Эльденберт — «Литнет»,
2022

Политический брак — совсем не то, о чем я мечтала. В моих чувствах не было места политике. Я влюбилась в Торнгера Ландерстерга. Забывая о том, что власть для него — это стиль жизни. Не зная, что однажды он разрушит мою жизнь до основания одной фразой. Он правит страной и повелевает драконами, его слово — закон... И цена моей свободы будет слишком высока. ВТОРАЯ КНИГА СЕРИИ ПАРЯЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА

© Эльденберт М., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Глава 1

Я так много хотела ему сказать.

У меня было столько слов, когда я набирала его номер, но сейчас я почему-то не могу вытолкнуть ни одного. Они будто все застыли во мне, под его взглядом. Примерно так же он смотрел на меня в первый раз, когда я ворвалась в его кабинет — чтобы раз и навсегда положить начало и конец нашему знакомству.

Он проходит в комнату так стремительно, что я даже не успеваю подняться: Торн уже стоит передо мной. Пальцы ложатся на мой подбородок, заставляя вскинуть голову. Не сразу, но я понимаю, что он рассматривает мою пылающую щеку, и мне становится стыдно. Так стыдно, хотя по сути, после того, что случилось...

— Пусти. — Я сбрасываю его руку и поднимаюсь.

— Кто это сделал? — Его голос такой же холодный как взгляд. Не просто холодный, он ледяной, пробирающий до костей.

— А это имеет значение?

— Имеет.

— Не сейчас. — Я обхватываю себя руками и смотрю ему в глаза.

Мне жизненно важно услышать то, что он сейчас скажет, и меня всю трясет. Потому что если претензии от отца я готова была выслушивать... хорошо, не готова, но если это я могла пережить, то от него... только не сейчас. Но он ничего не говорит, просто подходит к стулу, на котором по-прежнему висит мое пальто, а после снова возвращается ко мне.

— Мы уезжаем, Лаура.

— Что, вот так просто?

— Сложнее сделать уже не получится.

Это не обвинение, по крайней мере, не прямое, но меня снова начинает потряхивать.

— Торн. — Хотя еще пару минут назад я думала, что не смогу вытолкнуть из себя ни слова, что не готова перед ним оправдываться, что я не должна перед ним оправдываться, сейчас мне снова хочется это сделать. Не оправдываться — объяснить, только чтобы выражение в его глазах, этот лед растаял, рассыпался крошкой. Мне надо, чтобы он понимал, что это произошло случайно. Поэтому я делаю глубокий вдох и произношу: — Торн. Меня отравили. Меня накачали чем-то. Я не знаю, как...

— Я знаю. — Он подает мне пальто, и я на автопилоте сую руки в рукава. — Запрещенное вещество, которое обнаружили в крови у тебя и у твоих однокурсников, очень хорошо сочетается с любой едой или питьем. С алкоголем — гораздо хуже. Я знаю, что ты не пила, Лаура.

Последним он перебивает меня раньше, чем я успеваю сказать хотя бы слово, и мне ненадолго становится легче. Но очень ненадолго.

— Говорить об этом теперь уже не имеет смысла. Сейчас мы уезжаем, решать проблемы будем по мере их поступления.

Торн отступает, пропуская меня вперед, и я шагаю к двери. Почти.

Потом возвращаюсь, выключаю фоторамку, с которой мне улыбается мама, и складываю в сумку. В этом доме мне больше нет смысла оставаться, а проблемы, как правильно говорит Торн, надо решать по мере их поступления.

— Все твои вещи привезут позже, — говорит он.

— Завтра у отца вступление в должность.

Я не знаю, зачем я это говорю, потому что вряд ли он об этом не знает.

— Вступление в должность придется отложить.

— Что?! — Я вскидываю голову. — Почему?!

— Все вопросы потом, Лаура.

Его губы складываются в жесткую линию, и я понимаю, что он мне больше ничего не скажет. По крайней мере, не здесь. Поэтому я молча выхожу, молча спускаюсь по лестнице и так же молча останавливаюсь перед дверью, рядом с которой замерли мергхандары. Проводить меня не выходит никто: ни отец, ни Ингрид, ни Сильви. Даргел, наверное, вышел бы, но Даргела здесь нет, зато есть Торн, который, в отличие от меня, не останавливается.

Кордон флайсов взмывает в воздух, и я зачем-то все-таки оборачиваюсь. На одно короткое мгновение, чтобы увидеть стремительно удаляющиеся огни дома. Это настолько остро, что я сжимаю кулаки и мгновенно отворачиваюсь, возвращаясь в салон флайса. Здесь пахнет кожей и резкостью морозного инея. Торн заканчивает разговор по телефону коротким:

— Лучше с утра, — и отключается. В эту минуту я понимаю, что больше так не могу.

— Поговори со мной, — тихо выталкиваю из себя. — Пожалуйста.

Он смотрит на меня в упор.

— Да, я это допустила, — произношу, глядя ему в глаза. — Но я даже представить себе такого не могла. Торн, это же... я же не могу жить с постоянной мыслью о том, что меня могут отравить, подставить, что...

Я даже слов не могу подобрать, а еще меня опять начинает трясти. Эта внутренняя дрожь то возвращается, то исчезает, но мне надо договорить.

— Торн. Я не хотела, чтобы все получилось именно так. Но оно получилось. Мне сейчас очень больно. Очень тяжело. Очень страшно. Пожалуйста, не отворачивайся от меня. Пожалуйста, поговори со мной. Я хочу знать, что ты чувствуешь.

— Ничего.

Это звучит как хруст ломающегося льда, под который я готова провалиться. С головой, в ледяную воду, которая вопьется в тело тысячами обжигающих игл и потянет на самое дно. Потянула бы. Если бы он не продолжил:

— Я не могу себе позволить ничего чувствовать, Лаура. Потому что если я это себе позволю, я сломаю хребет тому парню, который тебя лапал. А следом — тому, кто все это устроил.

Он говорил неестественно-спокойно, и даже зрачки его оставались человеческими. Насколько человеческими, что это было куда страшнее, чем если бы радужку заливала ярость драконьего пламени, расплосованного вертикальными стилетами. Торн, который никогда в жизни еще не казался мне настолько драконом, как в эти минуты, чуть подался вперед.

— Поэтому я ничего не чувствую, Лаура. Ни-че-го.

Последнее «ничего» оказалось настолько жутким, что обострившиеся в присутствии дракона инстинкты отбросили меня назад, заставляя вжиматься в спинку кресла. Я рывком выдернула себя из этого чувства и потянулась к нему.

— Я люблю тебя, Торн, — прошептала тихо. — Пожалуйста, давай пройдем через это вместе.

Его ноздри раскрылись, словно он готовился выпустить пламя, вместо этого дракон подался назад.

— Поговорим в резиденции.

Стена, отрезавшая меня от него, была гораздо мощнее ультрасовременной защиты уносящих нас к телепорту флайсов. Ее не пробить словами. Не сейчас. Я сделала все, что могла, и все, что мне оставалось — просто ждать. Поэтому я тоже подалась назад и стала смотреть на мельтешащий лентами скоростного движения Хайрмарг.

Резиденция встречала нас тишиной и готовым ужином. Правда, пока мы добрались до ужина, прошло еще два часа, а узнала я о нем исключительно благодаря тому, что ко мне заглянул Дораж. Я в это время сидела рядом с драконенком и Гринни, которые возились с игрушками, но уже лениво. После прогулки, на которой эти двое носились и летали, оставив всю свою неумную энергию на свежем воздухе, сейчас эта умиротворенная возня была скорее

проявлением желания еще чуть-чуть побыть со мной. Я видела, что у них закрываются глаза, поэтому отложила игрушки. Как раз в это время и пришел шеф-повар.

Драконенок поднял голову, оценил степень угрозы (нулевая), после чего устроил голову между лап и снова закрыл глаза.

— Лаура? Ты как?

Кажется, он был единственным, кто об этом спросил, и я улыбнулась.

— Чудесно.

— Правда чудесно? — Мужчина посмотрел на застывшего у стены мергхандара, а я поднялась.

— Давай оставим их и поговорим где-нибудь в другом месте.

Гринни сердито засопела, подползла к Верражу под бок и свернулась клубком, а мы с шеф-поваром вышли в коридор. Если честно, я не представляла, где здесь разговаривать, кроме моей комнаты, поэтому туда мы и пришли. Сопровождение осталось за дверями, а я подошла к окну, разглядывая насыщенно-густой, темно-синий зимний пейзаж. Впервые за долгое время он не вызывал у меня умиротворения, а еще я отчаянно захотела лета. Так отчаянно, как, наверное, не хотела никогда в жизни.

Лето...

Я подошла к сумке и достала фоторамку, включила.

— Твоя мама? — Дораж подошел поближе.

— Да.

— Красивая. Очень красивая, как и ты. Кстати, ужин готов. — Шеф-повар мне подмигнул.

А я, к своему удивлению, поняла, что хочу есть.

Думала, что после такого «обеда» мне неделю не захочется смотреть в сторону еды, но видимо, нейтрализатор, который мне вкололи, действительно был сильным. Потому что от тошноты, помутнения сознания и озноба не осталось даже следа. Я как будто заново родилась.

Другой.

— Пожалуй, это самая отличная новость за сегодняшний день, — я подмигнула ему в ответ.

— Мне приятно тебя порадовать. — Он тоже улыбнулся, а после мгновенно стал серьезным. — Вся эта политическая возня... ненавижу это. Мне очень жаль, что так случилось, Лаура. Правда.

— Благодарю, — я коснулась его руки. — Ты можешь то же самое сказать Торну?

Он шутливо вскинул вверх руки.

— Оставлю эту инициативу тебе. Ты главное скажи, когда накрывать.

— Скажу, — пообещала я.

В присутствии этого человека невозможно было не улыбаться, а когда улыбаешься — невозможно думать о чем-то плохом. Правда, лично у меня не получалось, поэтому к Торну я шла уже совершенно в другом настроении. Мне надоело чувствовать себя виноватой. Точнее, не так. Мне надоело думать о том, что я могла бы не пойти на эту «вечеринку», что могла бы не пить, не есть, да в конце концов просто раньше уйти, как собиралась. Могла бы. Но не ушла.

Последствия, какие бы они ни были, нам теперь разбирать вместе. И судя по тому, что Торн сразу по возвращении скрылся в кабинете, но так из него и не вышел, разбирать их мы будем долго. Тем не менее я сделаю все от меня зависящее, чтобы его поддержать.

Остановившись у дверей кабинета, я постучала, и только после этого вошла. Вопреки моим представлениям, он не говорил по телефону и даже не работал. Крышка ноутбука была открыта, но экран погас. Как давно, я не знала, равно как и как давно он сидит, глядя сквозь нее жестким взглядом навывлет.

Этот взгляд ударил в меня, стоило мне войти.

— Дораж Эмери позаботился о нашем ужине, — сказала я. — Как насчет того, чтобы этим воспользоваться?

Торн кивнул.

— Тогда я попрошу, чтобы нам накрыли на стол.

Все хорошо?

Этого я не спросила, потому что как бы мне ни хотелось преисполниться оптимизма, все хорошо не было. Для него так точно. И как следствие — для меня. Тем не менее пока я занималась ужином, все было хорошо и даже лучше. Организаторская деятельность вообще здорово повышает жизненный тонус. Накрыли нам быстро, настолько быстро, что я хотела даже набрать Рин, но пока думала о том, что если она мне не пишет и не звонит, значит, с нейтрализатором ей не так повезло, или вообще не повезло, пришел Торн.

Мы устроились друг напротив друга, жалюзи я предусмотрительно опустила, чтобы не было искушения (у меня в первую очередь) смотреть в окно. Потому что мне нужно было смотреть на него, мне жизненно важно было смотреть на него. На мужчину, которого я любила.

— Приятного аппетита, — сказала я, снова первой нарушив молчание.

Расстелила салфетку и улыбнулась. Потянулась за приборами, попробовала салат и поняла, что все-таки себя переоценила. Организм сказал: «Есть — это не в меня», — и я решила, что можно будет просто аккуратно поковыряться в кулинарном шедевре (у Доража по-другому не бывает).

— Лаура, как прежде уже не будет.

Я так увлеклась продумыванием салатной судьбы, что сейчас вздрогнула. И подняла голову. Торн смотрел на меня в упор, спокойно — так же спокойно, как и во флайсе. Неестественно.

— Я понимаю, — сказала я. — Но я сделаю все, что потребуется. Ты... или пресс-секретарь наверняка научите меня, что делать и что говорить.

Я не шутила и не была предельно серьезной, я просто старалась разрядить обстановку. Насколько у меня получалось — хороший вопрос.

— Я сейчас не об официальной части. Пока все не уляжется, ты останешься здесь.

— Здесь? Но я и так здесь, — я пожала плечами. — И никуда не собираюсь.

— Здесь, Лаура, это значит, что все физиопроцедуры тебе будут делать в резиденции. В Хаймарг ты в ближайшее время не вернешься.

Про салат я как-то сразу забыла. По-хорошему, его тоже стоило чем-нибудь накрыть, чтобы не смотреть уже в него вместо окна, но сейчас я сразу же подняла голову. Ударилась об очередную ледяную стену, замерла.

— Что значит — не буду? — переспросила я. — Физиопроцедуры — не единственное, зачем мне нужно в город. Мне нужно возобновить тренировки сразу после завершения курса, у меня кастинг почти сразу после праздников. Ты же и сам прекрасно это знаешь, Торн! Мне нельзя терять время, особенно после того, что случилось...

— Ты не поедешь в Рагран, Лаура. — Он даже не притронулся к еде. — Кастинга не будет. Я его отменил.

Торн произнес это настолько серьезно, что я ни на мгновение не усомнилась в его словах. Кастинга не будет. Он его отменил. Не знаю, как — написал тем, кому в свое время звонила Рин, или это сделали за него — да, с наибольшей вероятностью это сделали за него, или... Все это было уже неважно. Он это сделал. Он просто это сделал, как в свое время подарил мне надежду, точно так же сейчас ее уничтожил. И вместе с ней мое сердце.

— Прости, — сказала я, откладывая салфетку. — Сейчас мне лучше уйти.

— Останься.

Это была не просьба, не приказ, а нечто совершенно новое. Совершенно иное, что сейчас рождалось, перекраивалось, сплавлялось из наших отношений в то, с чем мне придется жить всю жизнь.

— Зачем? — спросила я. — Ты уже все решил без меня. Ты уже все сделал без меня. Думаю, ужинать тебе тоже лучше без меня.

— Это не так.

— Не так — что именно? — Я посмотрела ему в глаза. — Я только что узнала, что ты выбросил мою мечту на помойку, Торн. Боюсь, я несколько неадекватна сейчас. А еще я боюсь, что если сейчас позволю себе чувствовать, выражаясь твоими словами, это может очень дорого мне обойтись.

Или нам.

Хотя... никаких нас никогда и не было. Были только я и он — правитель, привыкший казнить и миловать, дарить и отнимать. Только его решения всегда были важны, и если он захотел сделать для меня что-то, он это сделал. Не захотел — ну извини, Лаура, тебе все равно придется улыбаться и делать вид, что все хорошо. Потому что у первой ферны нет другого выбора. Но у меня есть. Потому что я не первая ферна.

— Возьми, — сказала я, снимая кольцо. — Возьми и оставь его себе, я не выйду за тебя, Торн. Твоя репутация не пострадает, особенно если сейчас ты откажешься от меня. Сразу. Скажешь, что не можешь жениться на девице с сомнительным прошлым... или которая не умеет держать себя в руках.

Я была права, мне надо было уйти. Мне надо было уйти сразу, не продолжая, не спрашивая, игнорируя его «останься» — так же, как он игнорировал все мои попытки достучаться до него сегодня. Но я не ушла, точно так же, как я не ушла из того ненавистного ресторана, и может быть, оно и к лучшему, потому что иначе я бы вышла за него. Иначе я не сказала бы все то, что чувствую, потому что в отличие от него я не чувствовать не могла.

— Я уже говорил, что не отпущу тебя, Лаура. — Мою руку перехватили раньше, чем я успела подняться. Кольцо вернулось на место, а жестким взглядом меня пригвоздили к стулу. — Чем раньше ты это поймешь, тем лучше для тебя.

— Серьезно? Насильно заставишь меня выйти замуж? И как ты себе это представляешь? Мы даем клятвы, а по обе стороны от меня — мергхандары, которые не дают мне сбежать? Может, они еще и говорить за меня будут?!

Я с трудом находила слова и дыхание для того, чтобы их произнести. Я могла бы просить его сказать, что все это неправда, что не было никакой отмены кастинга, могла бы попросить все вернуть, но это было бессмысленно. Поэтому меня сейчас трясло, и пока эта дрожь не вырвалась наружу, пока не обрушилась на него потоком упреков и отчаяния — ты был мне нужен, почему вместо того, чтобы меня обнять, ты отнял у меня последнюю надежду, то, за что я могла бы держаться, пока пресса будет обрушиваться на нас с тобой снова и снова — я плотно сжала губы.

— Отпусти, — сказала я, вышло глухо, поэтому я повторила: — Отпусти.

Не знаю, к чему это сейчас относилось — к моей руке, которая в его ладони казалась запечатанной во льдах. Или к тому, о чем мы говорили раньше. Я вообще смутно понимала, что происходит, но мой мир рушился с такой скоростью, что я не успевала его восстанавливать. Мне не хватало дыхания. Не хватало биения сердца.

— Хватит.

Это прозвучало как пощечина. Жесткое, отрезвляющее, острое.

И тогда я по-настоящему взорвалась. Рванула руку на себя с такой силой, что опрокинула бокал с водой прямо на скатерть и на пол. Стекло треснуло, осколками брызнуло мне под ноги.

— Нет, — сказала я. — Нет, Торн. Не хватит. Все это время я была рядом с тобой: все это время я пыталась до тебя достучаться. Сквозь твои бесчисленные кордоны, и какие бы ни

были у тебя причины ими закрыться, я больше так не могу. Не хочу. Я больше тебе не верю. Я не хочу быть заложницей твоих единоличных решений и твоего нежелания впустить меня в свою жизнь. Да, я сегодня ошиблась — но, когда я шла на этот обед, я думала, что прощаюсь с однокурсниками. Думала, что это моя последняя вечеринка, потому что после того, как я стану твоей, я больше не смогу на них появляться. Я даже не представляла, во что это все выльется, а ты — ты просто взял и решил за меня. Решил, что я не достойна даже обсуждения: ты отнял у меня то, что могло бы дать мне гораздо больше, чем...

Я задохнулась, покачала головой.

— Как я уже сказала, мне лучше уйти.

— Твоему отцу нужна эта должность.

Руки у меня были холодные. Почему-то это я сейчас ощущала ярче, чем что бы то ни было. Все остальное ощущалось довольно смутно.

— Ты этого не сделаешь, — сказала я.

— Мне и не придется.

Он этого не сказал, но оно явственно прозвучало: «После того, что сделала ты». После того, что сделала я, мне прямой путь в первые ферны... и только это поможет отцу сохранить должность, которую он уже считал своей.

— Торн, — сказала я, — давай разделим нас и мою семью. Они тут ни при чем.

— Ты еще не поняла, Лаура? — Он тоже отложил салфетку и поднялся. — Когда дело касается власти, «ни при чем» не работает. Твоя семья — это твоя ответственность. За все, что ты делаешь или говоришь, придется отвечать. Поэтому сейчас ты пойдешь к себе, а завтра утром я познакомлю тебя с новым пресс-секретарем. Он расскажет, что тебя ждет в ближайшие две недели.

Я открыла рот, чтобы возразить, объяснить... но поняла, что и это тоже бессмысленно. По сути, бессмысленно было даже то, что я делала до этой минуты. Поэтому я развернулась и вышла, и мергхандары, которые теперь не отходили от меня ни на мгновение, провожали меня до самой комнаты. Там я устроилась на подоконнике, подтянула к себе колени, и, обняв их руками, долго смотрела в сгустившуюся синеву зимней ночи.

Глава 2

— Вот же ларркин выродок, а, — процедила Рин. — Да если бы я знала...

— Никто не знал, — сказала я.

— Никто, кроме него, правда? Вот ни за что не поверю, что он не приложил к этому свои грязные лапы! Чтоб у него лишай на заднице вылез. А еще лучше на...

— Ты сама как? — спросила я.

Это меня интересовало гораздо больше, чем лишай на любом месте Миста, а учитывая, что когда я набрала Рин, она исключительно плевалась ядом в сторону моего бывшего и всех, кто нам это устроил, выяснить это было довольно проблематично.

— Меня никогда так не тошнило, — сказала она. — Но это, наверное, ерунда, по сравнению с тем, что там у тебя? Меня-то никто не фотографировал.

Я пожала плечами.

— Лал, не молчи. — Рин нахмурилась и отодвинулась, сложив руки на груди. — Что у тебя произошло?

— Это государственная тайна.

— Ха-ха. Очень смешно.

— А я не смеюсь. Мне запрещено говорить с кем бы то ни было о том, о чем я говорила с пресс-секретарем. Хотя по сути, там и разговора-то не было.

Точнее, он был. Мужчина, который оказался на месте Мильды Хайц, смотрел на меня, но сквозь. Ровно столько времени, сколько требовалось для того, чтобы донести до меня информацию: мне запрещено так или иначе комментировать сложившуюся ситуацию в соцсетях, своим знакомым или друзьям (можно подумать, я бы сама до этого не догадалась). Вся политика сейчас будет выстроена на том, что меня отравили, и что все случившееся сейчас под контролем внутренней разведывательной службы. Дело, о котором сейчас писали все журналисты, из развлекательного превратилось в политическое.

— Ферна Хэдфенгер не дает комментариев по поводу случившегося, — таково было официальное заявление пресс-службы Торна, — вся ответственность за произошедшее возлагается на организаторов покушения, стремящихся замаскировать попытку убийства под скандальную случайность с запрещенным веществом на студенческой вечеринке.

В этом же заявлении говорилось о том, что мне повезло, и что организаторы покушения не рассчитывали на вмешательство мергхандаров, которых на вечеринке не должно было быть. По той же причине я сейчас находилась в загородной резиденции, где мне был обеспечен высочайший уровень защиты.

— Но это реально было покушение? — шепотом переспросила Рин. — Тебя действительно хотели убить?

— Сомневаюсь, — сказала я. — Иначе мы бы с тобой не разговаривали.

— Ты так думаешь?

— Я не знаю, что думать. А Торн со мной не разговаривает.

Вот не собиралась я этого говорить, оно само вырвалось. Как бы там ни было, он действительно со мной почти не разговаривал. Утром ничего не изменилось ни для меня, ни для нас — исключительно сдержанный завтрак, знакомство с пресс-секретарем, предупреждение о нашей линии поведения и... все. Потом они с пресс-секретарем отбыли в Хайрмарг, а я осталась. Успела посмотреть заявление, погулять с Верражем и Гринни, ну и вот — позвонила Рин. После ее сообщения.

— Как бы там ни было, он с ними разделается.

Это прозвучало кровожадно.

— Ты знаешь, что Мист под следствием? — продолжала подруга. — Что его только-только отпустили, сегодня утром, и вид у него был совсем не геройский?

— Подозреваю, об этом знает весь Хайрмарг. То есть весь Ферверн.

— Туда ему и дорога, — почти прорычала Рин. — Гаденыш. Мерзкий, мстительный гаденыш.

— Рин, давай сменим тему? — попросила я. — Я хочу хотя бы пять минут не говорить ни о Мисте, ни о том, что вчера случилось. Как Сэфл?

— Рвет и мечет. Сказал, что Мисту надо з... прости. Он тоже считает, что Мист к этому причастен.

Я вздохнула.

— Нет, ну серьезно? Он все это организовал! А на какие деньги? Я никогда за ним особой щедрости не замечала... — Рин осеклась. — Тебя это реально достало, да?

Нереально.

— Да.

— Слушай, но в этом есть один большой плюс: я смогу приехать к тебе в гости и посмотреть на резиденцию Верховного. Да-да, я помню, что ты меня приглашала на праздник, но до него еще времени дракон, а я могу приехать сегодня. Хочешь, приеду? — подруга внимательно на меня посмотрела. — Что?

«Никаких встреч. Никаких посещений за исключением членов семьи, — пресс-секретарь смотрел на меня в упор, и его цепкий взгляд сейчас напоминал крючья, которые охотники древности прятали в ловушках для драконов. — Если об этом посещении станет известно — а о нем непременно станет, журналисты не дадут этому человеку прохода. В отличие от вас, их мы защитить не сможем, равно как и предсказать ход их беседы».

Все это звучало правильно и очень логично, хотя и отчаянно напоминало тюрьму в пустоши. Ферверн был единственной страной, где построили тюрьму для иртханов. Во всем мире для них существовало два вида наказания: таэрран, запирающая пламя магическая печать, чем-то напоминающая позорный ошейник, иногда в сочетании с домашним арестом, и смертная казнь. В Ферверне таэрран считалась пережитком прошлого, а меры пресечения были такие же, как и для людей. С той лишь разницей, что место заключения иртханов располагалось глубоко под землей. В пустошах.

На этой потрясающе оптимистичной мысли пикинул внутренний коммуникатор.

— Рин, прости. Внутренний.

Я спрыгнула с подоконника, который стал моим излюбленным местом. Подошла к тумбочке, и, коснувшись панели приема, услышала голос Тиуса:

— Ферна Хэдфенгер, приехал ваш брат.

Дар? Дар!

— Тиус, пусть его проводят ко мне! — Я выключила связь коммуникатора и снова вернулась к Рин. — Рин! Дар приехал!

— Ну, хоть так, — проворчала подруга. — А то я уже думала, что мою Лауру подменили, а вместо нее посадили манекен.

— Манекен из меня никакой, — сообщила я.

— И я о том. Созвонимся тогда чуть позже. — Подруга усмехнулась. — Я тебя наберу. И не думай, в покое я тебя не оставлю. Нельзя встречаться, тогда буду доставать звонками.

Она отключилась раньше, чем я успела попрощаться, а я едва успела добежать до зеркала и посмотреть, похожа ли я на манекен, когда в комнату уже шагнул Даргел.

— Лаура!

— Дар!

Я бросилась к нему и обняла так порывисто, что он рассмеялся.

— Эй, тише. Ты меня так задушишь.

Правда, когда он обнял меня в ответ, вряд ли его объятия можно было назвать расслабленными.

— Сестренка, ты как?

— Я уже хорошо, — честно сообщила я. Так же честно стараясь не хлюпнуть носом от радости. Мне действительно было несказанно хорошо — вот так, в объятиях брата, просто стоять. Хотя «просто стоять» в этой ситуации было странно, мы стояли. Во мне бушевал настоящий ураган эмоций, которые я старательно в себе подавляла, и, видимо, Дар это почувствовал. Потому что отстранился и заглянул мне в глаза:

— Я безумно по тебе соскучился.

— Я тоже, — призналась я. — Хочешь кофе? Или пройтись?

— Кофе и пройтись вместе не предлагаются?

— Предлагаются, — сказала я.

Спустя двадцать минут мы уже шли по расчищенным дорожкам, по которым я обычно гуляла с Гринни и Верражем. Над одноразовым стаканчиком поднимался пар: себе я кофе попросила автоматически, и теперь так же автоматически его пила. Что касается брата, он к своему, кажется, вовсе не притронулся.

— Здесь красиво, — произнес Дар, когда мы отошли от дома на приличное расстояние.

Мергхандары не отставали, и это, видимо, было одной из причин напряжения, которое между нами возникло впервые.

— Да. Очень.

— Лаура... как так получилось?

Вопрос от Даргела был не сказать чтобы неожиданным. К тому же, я уже смирилась с тем, что все хотят знать «как так получилось», и что я по этому поводу чувствую. В последнем, к слову сказать, я была не уверена.

— Отец тебе не рассказал?

— Он рассказал, что ты пошла отмечать, и что тебя накачали какой-то дрянью. Пресс-служба говорит примерно то же самое, но уже более масштабно. А я хочу знать, что произошло на самом деле.

— Если я скажу, что не хочу об этом говорить, ты поймешь?

Дар все-таки отпил кофе и поморщился, как будто кофе был из дешевого автомата.

— Я спрошу, о чем хочешь поговорить ты.

— Я не знаю, что мне делать, Дар. Я запуталась.

Брат не стал останавливаться, увел меня на огибающую парк аллею, и даже не обернулся, когда тени мергхандаров вытянулись поперек дорожки, словно преграждая нам путь.

— Что тебя беспокоит, сестренка?

— Торн.

— Торн? — Даргел нахмурился, невольно понизив голос.

— Ему не все равно, но ему... как бы все равно. Я не могу этого объяснить. Он даже ни разу не спросил меня, как я себя чувствую. Это же так просто, правда? Вот ты спросил. И Дораж Эмери тоже.

— Дораж Эмери?

— Шеф-повар. Он... ладно, неважно. В общем, я понимаю, что по сравнению с тем, что сейчас происходит мои чувства крайне незначительны, но мне от этого больно. Мне страшно, что так будет всегда. Мне страшно, что меня не останется... если я останусь.

Вот теперь Даргел остановился. Оглянулся, как будто не представлял, куда ему поставить стаканчик с кофе, и замер. Мергхандары остановились тоже. Спасибо что хоть в нескольких метрах, а не в непосредственной близости.

— Ты хочешь расторгнуть помолвку?

— Не знаю.

— Не знаешь?

— Нет. Я же говорю, я запуталась. А Торн молчит, он со мной вообще почти не разговаривает. Не считая того, когда ему нужно донести до меня официальную информацию.

— По-моему, — Даргел наклонился и все-таки поставил кофе прямо на дорожку, а после выпрямился и взял мою руку в свои, — вам нужно время. И тебе, и ему.

— А время что-нибудь решит?

— Время многое способно решить, Лали.

— Вот только у меня его нет.

— Разве нет?

— Время до праздника. Сколько его осталось? — Я закусила губу. — Он отменил кастинг, Дар.

— То есть как отменил?

— Вот так. После всего, что случилось... взял и отменил. Хотя когда он помог мне, когда он вернул мне надежду — после того, что случилось, я была просто... я не знала, как мне его благодарить, и...

Я замолчала. Потому что за «и» даже не представляла, что можно добавить. Кроме того, что я люблю его, но об этом я брату уже говорила.

— Хочешь, я с ним поговорю? — Даргел по-прежнему серьезно смотрел на меня. — Можно отправить тебя на кастинг, обеспечив охраной. Такой охраной, что к тебе никто не приблизится.

— Дело не в этом. — Я покачала головой. — Мне кажется, что это наказание. И эта мысль не дает мне покоя. Он действительно мог обеспечить мне такую охрану, что даже жюри стало бы дурно. Мог, но не захотел. Или решил меня наказать. За своеволие. За все, что я допустила.

— Ты серьезно так думаешь?

— Я не знаю, что думать, — повторила слова, сказанные с Рин.

— Вам надо поговорить, Лал.

Можно подумать, я сама этого не знаю.

— Как? Если он все время от меня закрывается.

— Он закрывается не от тебя, а от себя, сестренка. От того, что он чувствует.

— Ты это по собственному опыту говоришь?

— Разумеется. — Даргел улыбнулся. — Лично я всегда молчу, чтобы не наговорить лишнего. Спорим, ты тоже так делаешь? Поговори с ним. Еще раз. Уверен, что больше молчать он не будет.

— И сколько раз Мел нужно к тебе подойти, чтобы ты с ней заговорил после ссоры?

— Обычно это я к ней подхожу.

Я вскинула брови.

— Чаще всего. В девяносто девяти целых и куча девяток после запятой случаев.

— Мел с тобой повезло.

— Рад, что ты это понимаешь. Теперь осталось донести это до нее.

Я невольно улыбнулась.

— Наверняка она тоже это понимает.

Даргел хмыкнул.

— Будем надеяться.

Он снова обнял меня, защищая от ветра, взметнувшего по дорожке вихри колючих снежинок.

— Теперь у тебя будет кофе со вкусом зимнего парка.

— Ах, да. Кофе.

Даргел снова наклонился, поднял стаканчик. Отпил.

— Кстати, я привез твои вещи. То, что осталось. Ингрид их собрала.

Вещи! Значит, и комплект белья там же.

— Она просила тебе передать, что приедет завтра по поводу платья. Насколько я понял, посторонних к тебе не пускают, поэтому платье привезет она. Точнее, то, что оно сейчас из себя представляет. Я выслушал море информации по выкройкам и претензий на тему, что ей придется все делать самой, то есть прикалывать тебя булавками...

— Прикалывать меня булавками — это очень точное определение. Уверена, что это именно то, что Ингрид хочет сейчас со мной сделать.

Даргел расхохотался.

— Знаешь, мне тоже так показалось. Поэтому держись от нее подальше.

— Это будет сложно, если она будет с платьем и с булавками.

Какое-то время мы молча смотрели друг на друга, потом Даргел поцеловал меня в макушку и отстранился.

— Не вешай нос, сестренка. Все будет хорошо.

— Даже не сомневаюсь. — Я задрала этот самый нос как можно выше.

— Вот! Это уже больше похоже на Лауру Хэдфенгер. Хотя тебя теперь уже называют не иначе как Лаура Ландерстерг.

— Кто?!

— Все. Везде. — Даргел кивнул в сторону дома. — Возвращаемся?

— Возвращаемся. — Я взяла его под руку.

Беседа с Даргелом меня воодушевила настолько, что я даже забыла о случившемся. Вот так, впервые после всего этого, просто выпала в другую реальность, в здесь и сейчас рядом с братом. В ту реальность, в которой сегодня вечером мне предстоял разговор с Торном. Хочет он или нет, ему придется меня выслушать. Ему придется меня слушать, если он хочет, чтобы наши отношения продолжались.

И чем скорее он это поймет, выражаясь его же словами, тем лучше.

— Ферн Ландерстерг только что вернулся, ферна Хэдфенгер.

— Благодарю, Тиус.

Я попросила дворецкого сообщить, когда Торн появится в резиденции, и появился он ближе к ночи. Если бы не желание поговорить с ним именно сегодня, я бы легла спать.

Несмотря на то, что меня отрезали от Хайрмарга, я решила, что все равно буду танцевать. Правда, здесь не было лент, но разминку, разрешенную мне физиотерапевтом, я делала. И не только разминку, простые танцевальные движения, не связанные с сильной нагрузкой.

После ужина еще прогулялась с Гринни и Верражем, и напряжение от ожидания предстоящего разговора отступило, сменившись приятной усталостью. Такой, какая возникает после долгих прогулок и игр в снежки с полностью довольными жизнью малышами.

Драконенок уже полностью смирился с тем, что от меня не исходит пламя. Кем он меня считал, сказать сложно, но то, что решил меня оберегать, выяснилось, когда один из мергхандаров шагнул ко мне слишком резко. Верраж мгновенно вздыбил чешуйки и утробно зарычал.

Сейчас, когда Тиус сообщил о возвращении Торна, мне почему-то вспомнился этот эпизод, и я улыбнулась. От защиты Верража я бы сейчас точно не отказалась, да хотя бы от защиты кого бы то ни было: напряжение вернулось, а вместе с тем вернулось и ощущение, что я — провинившаяся школьница, которую вызывают к директору. В данном случае меня никто не вызывал, но избавиться от этого чувства я не могла.

До тех пор, пока шла по коридору к его кабинету.

Зато стоило мне шагнуть за дверь, оно испарилось. Я поняла, что больше не хочу оправдываться, и что больше не хочу быть школьницей. Если Торн хочет видеть рядом с собой женщину и жену, а не приложение к его реформе — хорошо. Если нет...

— Нам надо поговорить.

Он обернулся, встречая меня ставшим уже привычным ледяным взглядом.

— И тебе доброго вечера.

— Доброго. Что-то случилось?

Торн подошел к столу и указал мне на кресло.

— Мы выяснили, кто за этим стоит.

Я замерла.

— Кто?

— Присядь, Лаура.

Я приблизилась к столу и действительно опустилась в кресло. Только после этого сел он.

— Эллегрин Рэгстерн.

Он вытолкнул эти слова, как паззлы ручной головоломки, так же равнодушно и жестко, но мне вдруг стало не по себе. От того, сколько застывших чувств под этим скрывалось.

Я поднялась, обошла стол и опустилась к нему на колени. Так плавно и в то же время так быстро, как только могла, не давая себе времени передумать. Обвила ладонями его плечи, хотела прижаться, но Торн резко перехватил мои запястья.

— Ты что делаешь?

От неожиданности я даже не пошевелилась.

— Я сегодня не настроен на близость, Лаура.

— Идиот!

— Что?

— Я говорю, ты — идиот, Торнгер Ландерстерг! — Я взвилась с его колен, стряхивая его руки. — Ты не настроен на близость не только сегодня, но и вообще. В принципе. Ты хоть понимаешь, что я не могу так?! Не могу оставаться с мужчиной, который не позволяет себе ни малейшего чувства?! Ни капельки? Да, я понимаю, у тебя огромная ответственность, но рядом с тобой живые люди, и помимо огромной ответственности перед страной, у тебя есть я. Как мы вообще можем общаться, если ты постоянно меня отталкиваешь?

Он вскинул голову, а потом так же резко поднялся.

— Ты не расслышала, что я сказал?

— Нет, я тебя прекрасно слышала! Эллегрин Рэгстерн. Я это слышала, и еще я слышала, что тебе больно. Поэтому я подошла к тебе. Поэтому хотела обнять, а не напрашиваясь — выражаясь твоими словами — на близость! Торн! Я пришла поговорить не об Эллегрин. О нас. О том, что я хочу быть с тобой, но я не смогу с тобой быть, если ты будешь от меня закрываться.

— Я всегда такой, Лаура. И ты это прекрасно знала.

— Нет. Ты не всегда такой. Ты со мной говорил. В тебе есть чувства, и пусть они не всегда приятны, пусть от них иногда больно — в тебе они есть. Я это знаю, иначе бы ты не отключил щиты. Иначе не носил бы меня на руках и не сделал для меня то, что сделал... когда я упала. — Я приблизилась к нему, глядя в глаза. — Ты можешь сколько угодно меня отталкивать, но ты сам знаешь, что я права. Торн...

Я коснулась рукой его щеки, впитывая это прикосновение всем сердцем.

— Торн, я тебя люблю.

Больше я не успела ничего почувствовать. Ничего подумать, даже не успела вздохнуть — в глазах стоявшего напротив мужчины вспыхнул огонь. Дикий, звериный, настолько хищный, что я невольно отпрянула, но он просто перехватил меня за талию. Не давая сдвинуться с места, без труда удерживая раскрытой ладонью, обжигающей даже через платье льдом. Вертикальные полосы зрачков сначала раскрылись, а потом собрались в две тонкие линии.

В то же мгновение он опрокинул меня на стол.

Я вскрикнула — больше от неожиданности, хотя все тело в одно мгновение покрылось мурашками, а холод, исходящий от него, казалось, впитывается в каждую клеточку моего тела. Прижатые к поверхности стола ладони покалывало пульсацией от ледяной, жесткой мощи.

От той, что врывалась в меня, заставляя саму превращаться в лед и плавиться под одним только этим взглядом. За мгновение до того, как Торн дернул меня на себя, и я всхлипнула. Этот всхлип отозвался в нем не то звериным рычанием, не то хриплым стоном, когда его губы впились в мои с такой силой, что дыхание во мне кончилось. Вместе с дыханием кончилась я сама, остались только его руки на моих бедрах, разводящие их.

И резкий рывок, когда меня накрыло ледяным пламенем, и когда мы стали единым целым.

Обрушившаяся на меня сила была настолько яростной, что я закричала. Ногтями впиваясь в натянутую в пиджак спину, обхватывая его бедра ногами и чувствуя, как рождающееся во мне дикое наслаждение растекается от низа живота в грудь, поднимается вверх, рождая все новые и новые звериные стоны. Меня словно вытянули в струну или собрали в одну точку, в единое средоточие наших тел, поэтому когда эту связь разорвали, я дернулась.

Как никогда раньше ощущая внутри пустоту — в те несколько мгновений, пока меня перехватили, легко, как пушинку, толкнув к столу животом и снова врываясь — теперь уже сзади. От острой смены ощущений полыхнуло перед глазами, ногти скрежетнули по непри-
вычно-беззащитной полировке, но я услышала только свой крик и его рычание.

Почувствовала вплетенные в волосы пальцы, заставившие запрокинуть голову, и горячее дыхание на шее, сменившее их. Короткая острая боль вспыхнула тысячей искр. От сжавшихся на коже зубов ледяные нити протянулись через все тело, превращая его в сгусток чувственного удовольствия.

Там, где по нарастающей шла пульсация.

Там, где ладони касались поверхности.

Там, где его ладонь сжималась поверх моего бедра, а после скользнула ниже. Грубой и жесткой лаской в вихре охватившего нас ледяного пламени заставляя меня кричать снова и снова, пока во мне разом не лопнули все струны.

Я задыхалась, содрогаясь от наслаждения, еще чувствие резкие сильные рывки, а потом — вместе с ним, снова. До одури и умопомрачения, до сорванного голоса и хриплых выдохов на пределе сил.

До резкого рывка назад, и судорожного стоны, прерванного закушенной губой.

Когда я оттолкнулась ладонями от стола и обернулась, меня вело. Перед глазами еще плыла иссиня-белая дымка, похожая на зимний рассвет. Я чувствовала себя пьяной: им. Настолько пьяной, что мне хотелось еще, еще и еще... И я потянулась к нему, в это звериное пламя, всеми инстинктами. Всем своим существом.

Чтобы услышать:

— Прости. Это больше не повторится.

Я моргаю. Его лицо кажется довольно далеким и в то же время безумно близким, и это ощущение тоже проходит, когда я понимаю, осознаю, чувствую смысл его слов.

— Да пошел ты! — говорю я, и разворачиваюсь, но Торн перехватывает меня за локоть.

— Секс с пламенем, — произносит он. — По крайней мере, пока ты без харргалахт.

По крайней мере?! Во мне кончаются слова, а потом начинаются заново, и все они не должны принадлежать Лауре Ландерстерг. Да если быть честной, они и Лауре Хэдфенгер принадлежать не должны, но...

— Поставь свою харргалахт себе на задницу, — сообщаю я. — И гордись ею! Ты... ты просто...

Р-р-р-р!!!!

Это даже не злость, я не знаю, как это назвать, от желания вцепиться ему в лицо или пнуть прямо в то, чем он собирался «не повторять» (все равно же больше не пригодится!), просто становится нечем дышать. Только сейчас я понимаю, почему: у меня в крови по-прежнему гуляет пламя, в диких количествах. Это от него я пьяная. Это от него меня влечет к этому чудовищу, с той же силой, с которой мне хочется его сейчас оттолкнуть. Или впиться губами в губы, зубами, с рычанием и яростью, мне не принадлежащей. Это от него я сейчас дрожу, даже вспоминая о диком, животном наслаждении...

— Секс с пламенем, — повторяю я, сбрасывая его руку. — Секс с пламенем, Торн Ландерстерг?! Вот что это для тебя?

— Ты сама придумала все остальное.

— Я? — шепчу я почему-то севшим голосом. — Это я придумала? Когда? Когда ты говорил, что я свожу тебя с ума?

— Я от своих слов не отказываюсь.

Если можно было сделать что-то еще с большей отстраненностью, чем то, что он сделал сейчас — просто застегнул брюки и поправил рубашку — то я смутно понимаю, что это вообще могло быть. Можно было бы спросить, от каких именно слов он не отказывается, но после случившегося спрашивать уже ни о чем не хотелось. Меня все еще вело, но первые признаки отрезвления уже были налицо.

Например, я вспомнила, зачем сюда пришла.

— Я хотела поговорить о другом, — сухо, настолько сухо, насколько это возможно, сказала я. Не нарочно. Просто во мне кончились чувства, и теперь я понимала, о чем он говорил. Если бы они не кончились, меня бы просто уничтожила эта сила, бьющаяся в самой глубине моего существа.

— Говори.

— Не сегодня.

Никогда.

Об этом я говорить уже не стала, просто поправила платье. Развернулась и вышла.

Я держалась до той минуты, пока шла по коридорам с мергхандарами. Пока поднималась к себе. Пока заглядывала к Гринни с Верражем, чтобы посмотреть на две сонные мордахи, вскинутые на открывшуюся дверь.

Только оставшись наедине с собой, на миг зажмурилась, сжала кулаки, и... выдохнула. От звонка Дару меня отделяли какие-то считанные секунды, натянувшиеся невидимые нити внутри. Я могу ему позвонить, могу попросить меня забрать, могу даже собрать вещи, но мне ясно дали понять, что меня не отпустят.

Меньшее, что получится из этого звонка — это конфликт брата с Ландерстергом. Если Даргел узнает обо всем, он... нет, я не имею права впутывать его во все это. Я вообще не имею права ничего ему говорить. Никому не имею.

Даже Рин.

Особенно Рин.

Я разделась как никогда аккуратно, повесила платье на плечики. Стоя в душе, смотрела на бегущие по запотевшему матовому стеклу капли воды, все отчетливее убеждаясь в том, что я должна сделать.

Глава 3

В комнате было невыносимо тихо — несмотря на то, что в этой резиденции никогда не было так шумно. Если честно, даже в последнюю неделю, когда подготовка к праздничной ночи шла полным ходом, даже тогда в ней не было так шумно, как сегодня. И даже в ту неделю, когда основная подготовка еще не началась, в ней не было так тихо, как сегодня в моей комнате. Или во мне.

Торн уехал на следующий же день до завтрака: он зашел попрощаться и сказать, что в силу сложившейся ситуации требуется его постоянное присутствие в Хайрмарге. Я бы сказала ему, что он попросту убегает, но если бы я что-то сказала, во мне снова проснулись бы чувства, а этого я позволить себе не могла. По крайней мере, не в ближайшее время.

Поэтому я попрощалась, пожелала ему скорейшего разрешения всех вопросов и самоустранилась из этой ситуации. Так же, как самоустранился он. Мы оба существовали в одной реальности, но по обе ее стороны. Я видела, как было объявлено об аресте Эллегрин Рэгстерн, я слышала резкие заявления ее отца и наблюдала за волной, всколыхнувшейся над миром иртеханов в Ферверне.

Впрочем, волна прошла стороной, не задев меня.

В резиденции Торна меня вообще ничего не могло задеть, а учитывая, что я запретила себе думать об этом и чувствовать — тем более. Вторая волна накатила, когда родители Мистхарда попытались заявить претензии по поводу ментального допроса, которому подвергли их сына, но эту тему тоже достаточно быстро закрыли. Особенно принимая во внимание тот факт, что их сын оказался причастным к покушению, и то, что ему теперь тоже предстоял суд.

Я наблюдала за этим равнодушно и отстраненно, настолько, что временами мне самой не верилось в то, что все это происходит со мной. Меня записали в «неприкосновенные», а то, что обо мне писали в сети... ну, я предпочитала думать, что это пишут о моей однофамилице из Хайрмарга.

Моя жизнь разделилась на «до» и «после», и наверное, я никогда раньше не думала о том, что такое политика. То есть не то что не думала, я даже не представляла, и сейчас предпочла бы и дальше оставаться в блаженном неведении, но было уже поздно. Механизм уже был запущен, шестеренки крутились, и Лаура Хэдфенгер стремительно, день за днем, становилась Лаурой Ландерстерг — ларркой, спровоцировавшей бывшего однокурсника, соблазнявшей его и позволившей случиться тому, что случилось, и так далее, и тому подобное.

Торну тоже доставалось.

Впрочем, политикам всегда достается, хотя об этом я раньше тоже как-то не думала. Равно как не думала и о том, что буду делать, когда все закончится.

Но сегодня, в эти недолгие минуты тишины, когда стилисты уже ушли, а до прихода Торна еще оставалось время, эти мысли нахлынули на меня потоками пламени, грозя испепелить или превратить в ледяную скульптуру, способную рассыпаться снежной крошкой от любого неловкого прикосновения.

Я думала о том, что за все это время мы с ним говорили три раза — по видеосвязи. О том, что даже не я, а стилисты посылали ему мои фотографии с репетиции образа. О том, что все наши разговоры сводились к тому, что он сообщал те или иные новости касательно праздника. В частности, о том, что Рин и Сэфл в качестве приглашенных будут только на следующий день, но не ночью.

Сейчас я даже была этому рада.

Потому что, сжимая леденеющие руки, даже не представляла, что случится сегодня ночью.

Стук в дверь прозвучал так громко, что я вздрогнула.

— Лаура? Можно?

Голос отца доносился пока еще из-за двери, и я поднялась. Расправила юбку, струящуюся волнами снежного шелка.

— Да.

Мой голос даже не дрогнул.

С отцом мы все это время не разговаривали вообще. С того вечера, закончившегося пощечиной, до сегодняшнего дня я его не видела. Поэтому сейчас, когда он вошел, внутри меня все замерло и окончательно обратилось в лед.

— Чудесно выглядишь, дочка.

Это было так просто — зайти и сказать «чудесно выглядишь, дочка» после недель молчания. И я так же просто ответила:

— Благодарю.

Отец помялся в дверях, хотя я никогда раньше за ним такого не замечала. Юргарн Хэдфенгер всегда заходил куда бы то ни было без малейшего промедления и ложного неудобства. Сейчас же эта заминка была очевидна настолько, что я почувствовала ее физически. На уровне каких-то звериных инстинктов. Сама не знаю, откуда во мне это взялось, но такие вспышки у меня иногда случались, как будто часть пламени Торна навсегда осталась во мне.

— Готова стать Лаурой Ландерстерг?

— Лаурой Ландерстерг я сегодня не стану.

— Ты понимаешь, о чем я. — Он все-таки прошел в комнату и остановился рядом со мной. — Как ты?

Как я? Мне почему-то захотелось рассмеяться, и это меня напугало. Гораздо больше предстоящего.

— Чудесно. Разве не видишь? — Я повернулась к зеркалу.

Платье было похоже на свадебное. Бледно-голубые переливы на белом напоминали игру солнечного света на заснеженных вершинах гор. Лиф плотно облегал грудь, кружево казалось присыпавшим кожу снегом, искрящимся под лучами. Юбка обтекала бедра и уже книзу раскрывалась волнами. Дополнял все это великолепие комплект от «Адэйн Ричар», украшения подчеркивали и в то же время сглаживали эффект кольца у меня на пальце. Волосы мне уложили в элегантную прическу, единственной вольностью которой были завитки на висках.

Я выглядела безумно дорого.

Я выглядела как будущая первая ферна.

И чувствовала себя точно так же. То есть — никак.

— Ты восхитительна, — повторил свою мысль отец.

Кажется, наши темы для разговора иссякли.

— Ингрид очень хочет на тебя посмотреть.

Не сомневаюсь. Пока мы готовили платье на завтра (которое мне уже не придется надеть), Ингрид постоянно расспрашивала о том, которое было сейчас на мне. Увы, оно держалось в строгом секрете. настолько строгим, что сложно было даже представить, какую ценность несет информация о выходе Лауры Хэдфенгер рядом с будущим мужем в праздничную ночь.

А ведь это время всегда было наполнено для меня теплом.

Выбором подарков (не заказами через сеть), а поездками в моллы, весельем, улыбками, шутками и совершенно безудержным хохотом — когда мы с Рин прикидывали, что будет, если подарить Ингрид какой-нибудь сувенир из интим-магазина.

Это все было настолько давно — сверкающая упаковка, банты, пакеты, которые водитель заказанного флайса помогает донести до багажника, а потом до лифта. Смех и игра в снежки. Отчаянно-теплые чувства с ароматом шантвейна и хвои, головокружительная скорость центрального катка и предпраздничная суета. Улыбка Дара и первый тост за год, в котором будет много всего чудесного.

— Даргел с Мелори уже здесь?

— Да, — отец кивнул. — Через пятнадцать-двадцать минут откроют телепорт для первых гостей и журналистов.

Значит, скоро за мной придет Торн. Где-то час у нас будет на то, чтобы всех встретить. А потом...

Я снова сжала холодные пальцы.

— Если не возражаешь, я бы хотела остаться одна.

Отец собирался было возразить, но потом кивнул:

— Да. Да, пожалуй, ты права. Лучше поговорим потом.

Он вышел, и стоило двери за ним закрыться, я оперлась руками о столик.

Пятнадцать минут до выхода.

— Лаура.

Торн шагнул в комнату, и я обернулась — пожалуй, чересчур резко. Замерла, глядя на него.

И точно так же напротив меня замер он.

Сейчас он скажет, что я чудесно выгляжу, подумалось мне.

Но он просто стоял и смотрел. Смотрел так, что чуть не посыпались все ледяные стены, которыми я окружала себя — старательно, все это время. Те самые, благодаря которым я не лежала, подтянув колени к груди, и не думала о том, как я буду без него.

Сейчас я об этом подумала.

На мгновение.

На то самое мгновение, что растянулось на время его взгляда, глубокого и настолько знакомого, что мне стало нечем дышать.

Длилось, к счастью, это недолго: взгляд снова стал взглядом Торнгера Ландерстерга, Верховного дракона Ферверна, и меня отпустило. Во всех смыслах.

Стены больше не дрожали, я тоже больше не дрожала. Даже руки были не такие ледяные, когда я вложила пальцы в его ладонь.

— Ты готова, Лаура? — Это было единственное, что он спросил.

«К чему?» — захотелось уточнить мне.

Вместо этого я ответила:

— Готова.

И мы вместе вышли в коридор.

Резиденцию было просто не узнать. Залитые светом коридоры, мергхандары — как на параде. Сейчас она больше напоминала дворец Эргерхардской династии, сменившей в свое время династию Флангеррманских. В те времена наши края назывались Северные земли, и в отличие от материка, на котором располагались Рагран, Лархарра, Фиян и другие, впоследствии объединившие несколько более мелких государств в содружества и союзы, мы всегда были едины. Даже Аронгара в свое время была разделена — Огненные земли, Ильерра и другие суверенные государств. Север же всегда оставался сплоченным под единоличной властью сильнейшей семьи иртханов, управляющей наместниками с очень развитым пламенем. Возможно, именно потому, что иначе в наших краях было просто не выжить.

Миновав коридоры и парадно-праздничные посты, мы с Торном встречали гостей. Я бы никогда не подумала, что смогу улыбаться, зная о том, что хочу сделать. Но я стояла и улыбалась, приветствуя иртханов и иртханесс — здесь были и правящие изо всех городов, и людей, которым предстояло занять места рядом с ними, разумеется, тоже с семьями. Эта помолвка была настолько политической, насколько это вообще возможно.

Все улыбались, веоланское лилось рекой. На меня смотрели со всех сторон, и вскоре я вообще перестала на это реагировать. Я едва ли помнила имена всех тех, кого мне представили, и с кем я здоровалась. Калейдоскоп лиц собирался разными узорами в разных частях

празднично украшенного зала, живая музыка — фортепиано и виолончель — вплеталась в многоголосье.

— У меня для тебя сюрприз, — произнес Торн, когда последние из прибывших гостей отошли.

Рядом с нами тут же возник официант с подносом, а меня затошнило.

Натурально так затошнило. Кажется, я переоценила степень своей непробиваемости.

— Сюрприз? — переспросила, чтобы отвлечься от собственных мыслей.

— Да. Уверен, тебе понравится.

Я в этом так уверена не была, но поскольку попытка заговорить закончилась для меня очередным приступом тошноты, решила, что молчать будет лучше. Когда Торн взял с подноса два искрящихся пузырьками бокала с веоланским, свой я приняла автоматически. Мне казалось, что я подавлюсь первым же глотком, поэтому вино я едва пригубила, а если быть точной, просто поднесла бокал к губам и сделала вид, что пью.

Этот зал был не просто большим, он был огромным, но мне казалось, что с каждой минутой эти стены давят на меня все сильнее. Несмотря на то, что россыпи искр от украшений и запах хвои всегда ассоциировались у меня с праздником, сейчас голова кружилась все сильнее. До тех пор, пока на импровизированную сцену (где расположились музыканты), не вышел конференсье.

— Добрый вечер! — Его приветствие влилось в постепенно затихшую музыку, справа и слева сверкнуло несколько вспышек. Приглашенные журналисты наконец-то переключили свое внимание с нас на сцену. — Совсем скоро мы перейдем в следующий год, но до этого нам с вами предстоит еще два, несомненно, очень важных события! Первое — и основное...

Он хитро прищурился и замолчал, но все посмотрели на нас.

Снова.

Отец с Ингрид стояли в двух шагах, я встретила его улыбку и отвела взгляд.

— И второе. Небольшой сюрприз, которым мы откроем праздничную ночь. Сегодня среди приглашенных женщина, чье имя знает любой фервернец. Так уж получилось, что нам удалось уговорить ее исполнить для нас свою новую песню в качестве праздничного подарка. Встречайте — Сибрилла Ритхарсон!

Зал взорвался аплодисментами раньше, чем Сибрилла поднялась на сцену. Хлопали все, я видела, как у Сильви от восторга горят глаза. Даже Ингрид вытянулась в струну, потому что они стояли чуть наискосок от сцены, и если перед нами все расступились, то им уже не так повезло.

— Всем добрый вечер! — Голос у нее был не просто сильный, когда он прозвучал, затихло все, что звучало. Даже последний всплеск оваций растаял, растворился в коротких мгновениях тишины, пока Сибрилла обводила взглядом собравшихся. — Я очень рада видеть всех вас и для меня большая честь закрыть для вас этот год и открыть новый.

Наверное, у певицы ее уровня по-другому и быть не может, но ее голос даже сейчас, вне песни, пробирал до мурашек. Низкий, чувственный, глубокий — звучащий так, как будто тишина уже сама по себе музыка.

— Эту песню вы услышите первыми. Мне показалось, очень символично исполнить ее именно сегодня, в Праздничную ночь. В ночь перехода из прошлого в будущее. В те мгновения, когда время между ними замирает. Итак...

Вслед за воцарившейся тишиной приглушили свет. Полумрак в зале наполнился ожиданием, когда, казалось, просто отовсюду хлынула музыка. А следом за ней — голос Сибриллы Ритхарсон.

— Закончится прошлое...

Прямо сейчас.

*Дорогами разными
Пойдет каждый из нас.*

*Новые встречи...
И новая жизнь
Тебя попрошу лишь:
Ты только держись!*

*Память со временем
Покроется льдом,
Новые чувства
Вспыхнут огнем.*

Огонь действительно вспыхнул. Полыхнул на мгновение, и этот дикий звериный отклик — отклик каждого из присутствующих иртханов на ее звучание, отозвался внутри меня с неистовой яростной силой.

*— Не будет сомнений
Не будет обид,
Новое время
Нас освободит!*

*Ведь мир многогранен
И в нем на пути
Так просто, открывшись
Счастье найти.*

*То счастье, что рядом
С тобой для меня
Казалось сильнее
Любого огня.*

*Казалось, но прошлое
Здесь и сейчас
Закончится и для тебя,
И для нас.*

*И мы, распахнув
Крылья сердца в груди
Уверены будем,
Что все впереди.*

*Пусть новый день
За собою зовет
Шагай же в него...
Как впервые в полет!*

Я не сразу поняла, почему так тихо: сначала глухо ударилось внутри сердце. Потом в эту тишину ворвалась другая, напряженная, покалывающая кожу иголочками пламени — едва

уловимо. А потом зал снова взорвался аплодисментами: грохотом, который возносился под высокие потолки, отражался от панорамных окон, звучал и вибрировал в каждой клеточке тела, но все равно не мог перекрыть сильное, пламенное звучание голоса Сибриллы Ритхарсон.

От него до сих пор по коже шел мороз. Или жар.

Или и первое и второе вместе.

— Благодарю! — Сибрилла рассмеялась. — Благодарю! Благодарю!

Она была на сцене до тех пор, пока не затихли аплодисменты. А после спустилась и направилась к нам.

— Ферн Ландерстерг.

Остановившись рядом с нами, она взглянула сначала на Торна. Затем на меня:

— Ферна Хэдфенгер.

— Рад личному знакомству, ферна Ритхарсон.

— Взаимно.

— Очень красивая песня, — я сказала это совершенно искренне.

Сибрилла снова взглянула на меня.

— Благодарю.

— Отдыхайте и наслаждайтесь вечером.. — Торт улыбнулся. — Сегодня вы наша гостья.

Знакомство было коротким, но, когда Сибрилла отошла, я невольно посмотрела ей вслед. Сколько же лет этой женщине? Выглядит она роскошно. Иссиня-черное платье облегалось ее фигуру, подчеркивая каждый изгиб. Светлые волосы подняты наверх и каскадом стекают в головокружительный вырез на спине, достаточно провокационный для такого мероприятия. Заканчивался он на талии, подчеркивая красивые бедра так же, как браслет подчеркивал изящное запястье, ткань платья дорого переливалась при каждом шаге.

— Тебе понравился сюрприз? — голос Торна выдернул меня в реальность.

Надо же, благодаря этой встрече я почти забыла обо всем.

— Да. Песня красивая, хотя и неоднозначная.

— Я не знал, что она будет петь. В какой-то мере это был сюрприз и для меня.

— Даже так? — Я приподняла брови.

— Ты научила меня любить сюрпризы.

Жаль, что я не научила тебя любить.

— Хорошо. — Я перевела взгляд на сцену, где сейчас снова играли музыканты.

Свет горел, очарование, волшебство и какая-то проникновенная пронзительность, напитанная огнем, развеялась. Теперь это снова был всего лишь политический вечер.

— Хорошо?

Я пожала плечами.

— Я тебя не узнаю, Лаура.

— Я сама себя не узнаю. Извини. У меня есть время пообщаться с братом?

— По крайней мере, минут пять у тебя точно есть.

— Хорошо.

Вот теперь я сбежала. Под аккомпанемент фортепиано и виолончели, вливающих в зал пока еще мягкими волнами. Впрочем, после выступления Сибриллы на музыкантов даже не смотрели, отголоски ее пения до сих пор отзывались искрами воспоминаний.

— Даргел. Мелори. — Я подошла к брату и его девушке.

— Лаура!

Мелори невысокого роста — совсем как Сибрилла, но в отличие от нее — жгучая брюнетка. К тому же, коротко стриженная.

— Лал. Как настроение? — Даргел сжал мою ладонь в своей. — Ты выглядишь...

— Чудесно?

— Необычно, — фыркнула Мелори.

— Да, это именно то, что я хотел сказать.

— Надеюсь, необычно — это хорошо? — Я улыбнулась. — Мел, я украду твоего парня ненадолго.

— Вернуть не забудь, он мне еще пригодится.

— Спасибо, что отвели мне роль робота-уборщика, — шутливо отозвался Даргел, но тут же взял меня под руку и увел в сторону. Ближе к фуршетному столу, рядом с которым пока почти никого не было. — Лал? Все в порядке?

Я хотела ему солгать. Точно так же, как солгала отцу — это было даже не сложно, точно так же, как улыбалась Торну. Вместо этого покачала головой.

— Вы снова поссорились? — Брат нахмурился.

— Нет.

— Тогда что?

— Мы так и не помирились. Точнее, мы даже не ссорились, я просто не представляю, как это назвать. Когда Торн со мной, мы общаемся, но он по-прежнему держит дистанцию. То есть... я вроде как есть, а вроде как...

Я покачала головой.

— Забудь.

— Забыть? — Даргел взглянул в мое лицо. — Я не хочу ничего забывать. Что происходит, Лал? Чем я могу тебе помочь?

Помочь себе могу только я сама.

— Просто постарайся меня не слишком сильно ненавидеть, ладно?

— Что?

Вместо ответа я порывисто его обняла, а потом отступила в сторону. Даргел попытался меня задержать, но я отняла руку, к нам приблизился кто-то из гостей и обратился к нему. Я же быстро влилась в толпу, улыбаясь так же, как улыбалась гостям при встрече. Торн беседовал с отцом, и, когда я приблизилась, они оба одновременно повернулись ко мне.

Как раз в тот момент, когда музыка стихла, и на сцену снова вышел конференсье.

— Совсем скоро мы будем поздравлять друг друга с новым началом, но прежде чем это случится, мы бы хотели сделать одно объявление. Которое, несомненно, тоже станет новым началом. — Конференсье выдержал паузу и произнес: — Приглашаем! Ферн Ландерстерг, ферна Хэдфенгер!

Нас тоже встречали аплодисментами, под которые сердце подскочило к горлу, и, по ощущениям, там и осталось. Я шла к сцене, испытывая желание развернуться и бежать как можно дальше, но это желание не видел никто. Для всех я просто улыбалась, и все улыбались, единственное встревоженное лицо — почему-то у самой сцены я выцепила его, Даргел смотрел на меня в упор — принадлежало моему брату. Но так и должно было быть, он знал чуть больше, чем все остальные.

По лестнице я поднималась, считая ступеньки. Их было четыре, и каждый шаг повторял удар моего сердца.

Странное дело, еще совсем недавно зал расплывался у меня перед глазами, а сейчас, кажется, я могла разглядеть каждую черточку каждого лица, развернутого к нам. Конференсье протянул микрофон Торну, но я перехватила его в считанные секунды.

Перехватила и поднесла к губам.

— Как уже было объявлено, — произнесла, глядя в зал, — у нас есть очень важная новость. Возможно, это не совсем то, что вы хотели услышать, но...

Я поняла, что если не скажу этого сейчас, не скажу никогда.

— В свете сложившихся обстоятельств мы решили, что слишком поторопились. Помолвка отменяется. Мы расстаемся.

Это было как шагнуть в пропасть, а дальше все стало неважным.

И взорвавшийся множеством голосов зал, и растерянность на лицах, понемногу сменяющаяся осознанием. И вспышки, и суета видеоператоров. И даже кольцо, которое я все-таки стянула и вложила в ладонь Торна.

От которой мгновенно повеяло жутким холодом. Я увидела только искрящийся иней, впитывающийся в его кожу, когда услышала глухой хлопок. Наверное, только я его и услышала, потому что из-за шума в зале расслышать что-то было достаточно сложно. Этот хлопок, источник которого я поняла не сразу, раздался совсем рядом. Я снова перевела взгляд на его ладонь и увидела, что от драгоценного камня, который не способен разрушить даже лазер, осталась густая, похожая на ледяные осколки крошка.

— Одна из причин нашего расставания — отъезд семьи Хэдфенгер из Ферверна. Юргарн Хэдфенгер не сможет приступить к исполнению своих обязанностей, нам предстоят новые выборы. С формальностями на сегодня покончено, предлагаю всем наслаждаться праздником.

Торн говорил без микрофона, это я осознала, когда поняла, что все еще сжимаю его в руке. Так же, как он сжимал в руке превратившееся в крошку кольцо. Но если после моего заявления в зале стало шумно, то после его воцарилась абсолютная, безоговорочная тишина. Словно его голос просто выключил остальные даже без усиления. Усиливать, по сути, не было необходимости: даже вспышки прекратились, время будто замерло.

За эти мгновения я успела осознать, что он сказал. Как раз вовремя, потому что побелевший до состояния только что выпавшего снега конференсье взял у меня микрофон и профессионально-бодрым голосом произнес:

— До нового года осталось пятнадцать минут! Мы...

Он что-то там еще говорил, совершенно точно не в соответствии со сценарием, но вряд ли его кто-то слушал. Торн взял меня под руку — в точности с тем же выражением лица, с которым мы поднялись на эту сцену, по лестнице мы спустились вместе.

— Чудесного вечера, Лаура, — произнес он, глядя мне в глаза.

А после развернулся и направился к дверям. Холод, обрушившийся на меня, едва ли был слабее смысла сказанных им слов: и сейчас, и на сцене.

— Врача! — крикнул кто-то. — Ферне Хэдфенгер плохо!

Я обернулась — лишь на миг — чтобы увидеть, как отец держит на руках потерявшую сознание Ингрид. Его лицо — белое, как у конференсье, искаженное, широко распахнутые глаза Сильви. Странно, но Даргела я не заметила. Это я осознала уже в тот момент, когда бежала, а если быть точной — шла к дверям, настолько быстро, чтобы не сорваться на бег, и настолько медленно, чтобы это не было заметно.

Сомневаюсь, что это не было заметно.

Вспышки возобновились, шум в зале нарастал, но я отрезала себя от него дверями, вылетев за них и с трудом пытаюсь втянуть ставший неожиданно холодным и липким воздух. Шаги дракона я слышала отчетливо, и вот теперь, уже совершенно не стесняясь вытянувшихся вдоль коридора мергхандаров, бросилась за ним.

— Торн!

Разумеется, он не остановился. Дверь его кабинета защелкнулась, когда я вылетела из-за поворота. Подлетев к ней, распахнула, врываясь внутрь.

— Ты не можешь с ними так поступить!

Он обернулся. Пламя, сделавшее его глаза похожим на две светящиеся льдины, хлестнуло наотмашь, заставляя отпрянуть на уровне инстинктов. Я с силой вдавила ногти в ладони и шагнула вперед.

— Ты будешь говорить мне о том, что я могу и что не могу, Лаура? — тихо произнес он.

— Они здесь ни при чем!

— Неужели? Твой отец тебя воспитал.

Я задохнулась. От той ледяной жесткости, с которой были сказаны эти слова.

— Знаешь, о чем ты всегда забывала, Лаура? О том, что я могу. Я могу сделать с тобой и с твоей семьей все, что пожелаю. — Он говорил тихо, но в кабинете стремительно холодало. — С теми, кто посчитал возможным играть со мной в игры.

— Нет. — Из рта вырвалось облачко пара, я растерянно смотрела, как мое дыхание тает в разделяющем нас полумраке. — Никто с тобой не играл, Торн. Я пыталась до тебя достучаться. Когда мне стало понятно, что я не могу, я просила тебя меня отпустить. Ты сказал, что ты меня не отпустишь. Что мне еще оставалось делать?!

Кажется, только сейчас я поняла, что он сказал. Точнее, что он сказал еще.

— Моя семья ничего не знала!

— Об этом «ничего» ты шепталась со своим братом перед тем, как подняться на сцену? Я шагнула к нему:

— Никто ничего не знал! Я никому не говорила! Я жила с этим все это время, пока ты снисходил до меня исключительно для рекомендаций по поводу праздника.

— Превосходно, Лаура. Теперь ты будешь жить с этим всю жизнь.

Он отвернулся и шагнул к столу. Не вполне отдавая себе отчет, что делаю, я бросилась за ним. За секунду до того, как мои пальцы коснулись бы его руки, Торн обернулся. Бросок был молниеносный, только что я видела его спину, а сейчас вижу его лицо. Ледяные пальцы сжимаются на моей шее, снежные искры иглами впиваются в кожу. Это длилось едва уловимое мгновение, а после пальцы разжались, и он отступил.

— Пошла вон. — Дракон указал мне на дверь. — Убирайся. Пока я тебя отпускаю. Сейчас.

Меня трясло от пламени, которое понемногу гасло в его глазах. Зрачки из звериных снова стали человеческими, но ничего человеческого в этом лице не было. На меня по-прежнему смотрел зверь, и я отступила. Развернулась, вышла за дверь, почти бегом бросилась в сторону зала. За несколько метров до него развернулась снова, метнулась обратно, но уже к лестнице. Я понимала, что если сейчас войду в этот зал, просто рухну на глазах у всех, присоединюсь к Ингрид.

Под бешеный стук сердца влетела к себе — или уже не к себе.

«Убирайся. Пока я тебя отпускаю. Сейчас».

Я зажала руками рот, но тщетно. Тошнота снова подкатила к горлу, я едва успела добраться до туалета, и меня вывернуло наизнанку. Меня выворачивало долго, до глухих хлопков, раздавшихся снаружи.

Фейерверк.

Новый год начался.

На этой мысли меня вывернуло еще раз, казалось, ледяным пламенем, засевшим в самой глубине моего существа. На этой мысли я поднялась и направилась к раковине. Умывшись, обхватила себя руками, пытаюсь унять охватившую все тело дрожь. Я даже не сразу поняла, откуда доносится знакомая музыка, а когда поняла...

Подскочила, метнулась в комнату.

— Лаура! Что у вас там вообще происходит?! — взволнованное лицо Рин.

У них там тоже фейерверк, судя по всему.

— Что?

— Ты что, отказалась за него выходить?!

Я сжала зубы.

— Лаура, дракона твоего за ногу, не молчи! Вы порвали все каналы, сейчас не празднуют, а строят теории, что за чешуйня вообще творится.

Я посмотрела на нее, понимая, как отчаянно мне хочется сейчас оказаться там. Там, с Ринни и Сэфлом, и просто ее обнять, просто заснуть, чтобы закрыть этот день, эту ночь, а завтра... Меня разрывало от желания набрать Тиуса, сообщить об открытии телепорта, и уйти,

как мне было сказано. Но там, внизу, еще оставалась моя семья, и помимо этого, оставалось еще осознание: если сбегу сейчас, на людях я уже никогда больше не появляюсь.

Всю жизнь буду прятаться, стану тенью, которой уже ничего не светит.

Не говоря уже о каких-то кастингах или о чем-то большем.

Мне было странно осознавать, что в такие минуты я еще думаю о кастингах, но, наверное, мы с Торном похожи куда больше, чем мне казалось. Странно, что поняла я это только сейчас.

— Лаура!

— Рин, давай не будем говорить об этом сейчас.

— А когда?! Лаура!

— Передавай мои поздравления Сэфлу. Потом поговорим.

Я нажала отбой раньше, чем подруга успела ответить. Выключила телефон, швырнула его на кровать.

В ванной снова ополоснула лицо, поправила макияж. Хорошо, что макияж мне сделали «на века».

Дорога до зала, куда мы не так давно вошли вместе с Торном, не заняла много времени. Я остановилась только на миг, чтобы расправить плечи и улыбнуться.

После чего шагнула в распахнувшиеся передо мной двери.

Глава 4

Я открыла глаза из-за того, что закатное солнце расплескалось по комнате. Зимой оно кажется особенно ярким и даже обманчиво согревает, если лежать под теплым одеялом и ловить лицом огненные полосы света.

Шевелиться мне не хотелось, ничего говорить или делать — тоже, но так можно и всю жизнь пролежать. Поэтому я вытряхнула себя из-под одеяла и подошла к окну. Еще несколько минут, пока Хайрмарг заливало ярко-красным холодным цветом, растянутым по небу и вонзающимся в стальные иглы высоток, просто стояла и смотрела на город, который мне вскоре предстояло покинуть.

Потом, когда солнце окончательно упало вниз, позволяя сумеркам вползать на улицы, отвернулась. На стуле, поверх моего платья (над созданием которого трудились стилисты Торна), лежал халат. Видимо, Даргел позаботился о том, чтобы мне не пришлось надевать платье, когда я проснусь. По сути, надеть мне было больше нечего: все мои вещи остались в резиденции Торна.

Вечер схлопнулся на удивление быстро. Конферансье еще пытался развлекать собравшихся, но очень скоро все поняли, что это бессмысленно. Официальная часть и фуршет закончились, и телепорты открывались один за другим. На этот раз Торн провожал гостей в одиночестве, и первыми уехали отец с Инрид и Сильви. Со мной они, разумеется, не разговаривали, а нас с Даргелом и Мелори провожал Тиус. Учитывая, что все оставшееся время Торн смотрел на меня, как на пустое место, это было даже к лучшему.

Незадолго до отъезда, во время фуршета, Даргел увел меня из зала, чтобы спросить:

— Почему ты ничего не сказала мне?

Я готова была к упрекам, но не к такому. Поэтому и ответила не сразу.

— Потому что не хотела тебя в это впутывать.

— Я бы поговорил с отцом! — Он невольно повысил голос. — Все это можно было сделать иначе, Лаура!

— Ты так думаешь? — Я подняла голову и посмотрела брату в глаза. — Ты думаешь, что просто так он бы меня отпустил?

В его взгляде сверкнуло что-то яростное, но я не пошевелилась. По ощущениям я вообще превратилась в биоробота, и только когда Дар притянул меня к себе и обнял, судорожно вздохнула. Оказывается, чувствовать — это действительно больно. Поэтому я позволяла себе просто стоять в его объятиях и слушать стук его сердца. В этом биении было гораздо больше, чем в тысячах слов, которые он мог мне сказать. Я просто знала, что он со мной, что он рядом, и что он на моей стороне. О большем нельзя было даже мечтать.

Он не расспрашивал меня и во флайсе, когда мы летели к нему. Мелори эту ситуацию вообще никак не прокомментировала. Они с Даргелом негромко обсуждали какой-то контракт, а я смотрела в окно, смазанными отрывками выхватывая то один район, над которым мы пролетали, то другой.

Сейчас, вспоминая все это, я отложила халат на постель и направилась в ванную. Постояв под душем, насухо вытерлась полотенцем и вернулась в комнату. После чего вошла в это клятое платье. Мне казалось, что я разорву его в клочья, как только у меня будет такая возможность, но пока такой возможности не было. Сейчас мне нужно было ехать к отцу, а ехать в халате — не самая лучшая идея.

Расчесавшись, стянула волосы в хвост, подхватила туфли, и, стараясь ступать бесшумно, вышла из гостевой комнаты в коридор.

В гостиной работал визор, я едва слышала обрывок фразы: «... резиденции Торнгера Ландерстерга» — как мне захотелось зажать уши. Тем не менее я стояла и слушала о том, что

сегодня ночью произошло «событие, которого никто не мог ожидать», и уж точно никто не мог ожидать, что «Юргарн Хэдфенгер с семьей в ближайшее время покидает Хайрмарг».

— Лаура! Давно ты тут стоишь?

Я не услышала даже шагов брата, а себя обнаружила прижавшейся к стене. Только встретившись с ним взглядом, осознала, что стою, обхватив себя руками с туфлями в охапке.

— Мне надо к отцу.

— Тебе надо поесть!

— Нет. Мне надо с ним поговорить, Дар.

— Ты уверена, что это хорошая идея?

— Не знаю. Но оставлять это так я не могу.

— Тебе... — Даргел явно собирался возразить, но потом только махнул рукой. — Хорошо. Тогда я поеду с тобой.

— Нет. — Я покачала головой. — Твое место здесь. С Мелори.

— Тебе не кажется, что я уже достаточно взрослый мальчик, чтобы решать, где мое место?

— Мне нужно решить это самой. Понимаешь? Я не хочу прятаться за твоей спиной. Я это сделала, и мне за это отвечать.

— Это сделала не ты, Лаура, — резко перебил он. — А Торнгер Ландерстерг. В любом случае, пока ты не поешь, из дома я тебя не выпущу. Идем.

Я тоже собиралась возразить, но поняла, что в данном случае единственное решение — это компромисс. В результате через пятнадцать минут мы сидели на кухне, делая вид, что все хорошо. Визор, разумеется, выключили, Мелори пыталась поддерживать разговор, но вскоре махнула рукой, и потом мы все просто жевали. Я — быстрее всех. После вчерашнего казалось странным, что мне вообще кусок в горло лезет, но он не просто лез, я съела, кажется, почти все, что было на столе, при этом продолжая ощущать себя дико голодной.

Это оказалось хорошим знаком: Даргел чуть-чуть расслабился, видимо, осознавая, что я не собираюсь морить себя голодом, и у нас даже получился кое-какой разговор о том, что когда я вернусь, я могу оставаться сколько захочу.

«Сколько захочу» в этом случае подразумевало, что я остаюсь в Хайрмарге.

— Я поговорю с Ландерстергом, — неожиданно решительно произнес Дар. — Тебе никуда не придется уезжать, закончишь с экзаменами, получишь диплом, и я помогу тебе найти работу. Все будет хорошо, Лаура. Я тебе обещаю.

Мелори скептически приподняла брови, но ничего не сказала.

— Уберу посуду и пойду разворачивать подарки. Надо же это когда-нибудь сделать.

Даргел посмотрел на нее так, словно не понимал, о чем она вообще говорит, или тоже очень неожиданно вспомнил про подарки. Тем не менее я молчала до тех пор, пока Мел не оставила нас одних, и только потом сказала:

— Не стоит.

— Не стоит? Что значит — не стоит? Если отец с Ингрид вполне способны о себе позаботиться, то ты...

— Я тоже способна о себе позаботиться. И я не останусь в Хайрмарге, Дар.

— Хорошо. И куда же ты собираешься? В Бельвенхарт? В Ниргстенграффе сейчас делать нечего, у них там с экономикой проблемы и с работой не вариант...

— В Рагран.

— Что? — переспросил Даргел.

И тогда я повторила больше для себя, чем для него.

— Я переезжаю в Рагран.

Брат хмурится и тяжело опирается о стол, потом снова подается назад.

— Лаура. Ты серьезно?! Это ведь другая страна!

— Это другая страна, где родилась моя мама. — Я тут же поправляюсь: — Наша мама.

— Но она даже на сотую часть не похожа на Ферверн... я имею в виду, какие там у тебя перспективы?!

— Там шоу «Эрвилль де Олис».

— «Эрвилль де Олис»?! Ты серьезно? То самое, кастинг на которое отменил Ландерстерг?! — Даргел все это выпаливает на одном дыхании, потом подается назад, проводит рукой по волосам. — Прости. Лаура, нет. Я не могу тебя отпустить.

Я приподнимаю брови.

— Ты понимаешь, о чем я! Там нет никого, кто о тебе позаботится!

— Я уже сказала, что я сама о себе позабочусь. — Я смотрю ему прямо в глаза. — Моя проблема в том, что обо мне заботились все, кому не лень. Я хочу строить свою жизнь сама. Хочу понять, что я вообще из себя представляю. Это достаточно сложно, когда кто-то постоянно хочет о тебе позаботиться, не находишь?

Какое-то время мы смотрим друг другу в глаза, потом Даргел качает головой.

— Хорошо. Шоу. Предположим. Но что ты будешь делать первое время? Откуда ты возьмешь деньги?

— Я копила на путешествие, — говорю я.

— На путешествие?

— Да. Хотела поехать в Зингсприд, в Аронгару, когда закончу учебу. Правда, в последнее время я об этом забыла, поэтому мечта уже за мечту не считается, ну а на то, чтобы начать новую жизнь, мне хватит вполне.

Даргел поднялся из-за стола. Прошелся по кухне, вернулся к столу и встал рядом со мной.

— Как много я еще о тебе не знаю, Лаура? Ты хотела в Аронгару?

— Я копила с первого курса, — я смеюсь. — Скажем так, когда-то для меня это было очень важно. Пляж, океан, жара, и я одна — вся такая роскошная, в купальнике, но главное — свободная, потому что все экзамены остались позади, и я могу наслаждаться жизнью перед тем, как выйти на работу. Правда, где-то на третьем курсе я чуть все не потратила, когда захотела флайс.

— Я это помню. Папа сказал, что водить ты не будешь, потому что незачем, — хмыкнул Даргел.

— Да, и я всерьез бегала по салонам, выбирала подержанные флайсы, но так ничего и не выбрала. За ту сумму, что у меня была, я могла купить разве что Ролек.

Вот теперь Даргел хохочет. Ролек — миниатюрный флайс, по размерам несущественно превышающий аэрокары для взрослых в парке аттракционов. Как бы там ни было, колени в нем разьедаются в стороны во время вождения, потому что их больше девать некуда.

Когда я вспоминаю, как пыталась в нем посидеть, сама начинаю хохотать. То ли смех у брата чересчур заразительный, то ли во мне было слишком много напряжения, но мы смеемся как сумасшедшие, особенно я — у меня даже слезы на глаза наворачиваются. К нам заглядывает Мелори, машет рукой и тут же исчезает, но ее появление словно возвращает нас в реальность. Первым перестает смеяться брат, я за ним.

— Лаура. Аронгара, — говорит он спустя непродолжительную паузу. — Почему ты не хочешь поехать в Аронгару?

— Там жизнь дороже, — говорю я.

— И нет «Эрвилль де Олис»?

— И нет «Эрвилль де Олис», — я улыбаюсь. — Серьезно, я пока даже не знаю, где хочу жить, Дар. Но начать хочу с Раграна, это я знаю точно. Хочу посмотреть на город, в котором родилась и выросла мама. Хочу его почувствовать. Хочу пройтись по улицам, по которым ходила она, а там... кто знает. Я больше не хочу ничего загадывать. Пусть все будет так, как будет.

Мы снова молчим, брат притягивает меня к себе. Я сижу на стуле, его руки, его объятия — это мой оплот, который придает мне сил в последнее время.

— Ты правда на меня не злишься? — неожиданно спрашиваю я.

— За что? — хмыкает он. — За то, что не захотела жить с монстром?

Это «монстр» почему-то неожиданно больно ударяет по мне. Прямо в сердце.

— Торн не монстр, — говорю я.

— А кто? — хмыкает Даргел. — Кто может выслать семью из страны только потому, что ты ему отказала?

— Дракон, — я пожимаю плечами. — И давай об этом больше не будем. Хорошо?

— Хорошо.

Даргел еще раз предлагает поехать со мной или хотя бы меня проводить, но я отказываюсь. Это действительно мое дело, брат тут ни при чем, и ему полагается нормальный (хотя бы относительно) праздничный вечер наедине с любимой женщиной.

По дороге я думаю о Гринни и Верраже. О том, что Верража я больше не увижу, и о том, что Гринни безумно к нему привязалась. Так дико испугавшись в день первой встречи, сейчас она умудрялась спать на нем, отбирать у него игрушки, а в следующий момент уже тащила ему свои. Они были неразлучны, но сейчас, после всего... как все будет для них?

И где сейчас Торн?

Я запрещаю себе об этом думать, потому что это действительно больно. Моя жизнь без него. Но моя жизнь с ним невозможна, а значит, мне надо учиться жить без этих чувств. Начиная прямо сейчас, с этой минуты. Я вдруг отчетливо осознаю, что со мной нет ни Хестора, ни мергхандаров, и что мне безумно непривычно... так. Хотя я всю свою жизнь, за исключением последнего месяца, провела так, как сейчас, мне не хватает этого месяца.

А если быть точной, мне не хватает Торна.

Все, хватит!

Я решительно обрываю себя на этой мысли, думаю про Аронгару. Когда-то я и правда отчаянно хотела поехать на этот курорт — одна, взрослая, крутая. Сейчас я понимаю, что эта мечта уже давно перестала быть для меня важной, и что самое страшное, «Эрвилль де Олис» тоже больше не воспринимается как долгожданное счастье.

Осознание этого обрушивается на меня в ту минуту, когда флайс идет вниз, на парковку. Я благодарю водителя, выхожу, стараясь не думать о том, о чем только что подумала. Потому что если рухнет моя последняя мечта, мой мир рухнет вместе с ней окончательно, и что я буду делать тогда?

Выхожу из лифта, шагаю к двери, открываю своим ключом.

В холле темно, но стоит мне войти, свет зажигается автоматически. Доносящиеся из гостиной голоса стихают, встречать меня выходит Ингрид. Ее лицо просто каменное, но прежде чем я успеваю открыть рот, она шагает ко мне и изо всех сил залепляет мне пощечину.

Боль обжигает щеку, но еще сильнее обжигает холод. Волна ледяного холода поднимается изнутри, когда я изо всех сил даю пощечину Ингрид. Раскрытой ладонью — от души, и ее голова дергается в сторону. Глаза широко распахиваются: как раз в тот момент, когда в холл входит отец.

— Юргарн! — Визгливый голос Ингрид совершенно не вяжется с выражением ее лица, когда я вошла, а с настоящим — растерянным, наливающимся злобой — вполне. Она прижимает ладонь к щеке и отступает к моему отцу: — Она меня ударила! Ты это видел?! Она! Меня! Ударила!

— Я пришла поговорить с тобой, — игнорируя верещание Ингрид, говорю я. — Ты готов меня выслушать?

Кажется, такого не ожидал никто. Лицо отца тоже меняется: из холодного, отстраненного, оно становится еще более холодным и отстраненным.

— Тебе здесь не рады, Лаура.

— Значит, нет. — Я ставлю сумку на знакомую полочку. — И все-таки я настаиваю. Пойдем в кабинет, не хочу говорить при посторонних.

Ингрид переводит взгляд на меня, потом на него.

— Ты слышал?! Нет, ты это слышал?! И после всего, что она сделала, у нее еще хватает совести...

Не дожидаясь продолжения, я подхожу к ним, из-за чего Ингрид лишается дара речи. Беру отца под руку и киваю в сторону коридора. Странное дело, но он сразу идет за мной, а я... я чувствую разрастающуюся внутри ледяную бурю. Такую, как если бы в двух шагах от меня стоял Торн, и его пламя бежало по венам, превращая мою кровь в жидкий азот.

В кабинете я устраиваюсь в кресле, в котором когда-то сидела... будем честны, я часто в нем сидела, в том числе и в тот день, когда узнала о приглашении от «Эрвилль де Олис» и моем «почетном» назначении на должность одной из невест Торна. Мне стоило тогда вести себя как сейчас. Стоило тогда проявить больше твердости, и ничего этого сейчас не было бы.

Но все это было. Поэтому я дожидаюсь, пока отец сядет напротив меня, и говорю:

— Я люблю тебя.

Такого он еще больше не ожидает, поэтому на миг замолкает, а потом его лицо искажается от гнева.

— Ты?! Ты хоть представляешь, что ты натворила?! Ты уничтожила нас. Нашу семью! Все, к чему я шел долгие годы, разрушила мою карьеру. Нам придется уехать, а я даже не представляю, куда.

— Возможно, так будет лучше.

Отец моргает, словно не верит в то, что я сказала, а я продолжаю:

— Я люблю тебя. Я люблю Сильви. Я даже Ингрид по-своему люблю, но ни тебе, ни ей я больше не позволю повышать на меня голос или поднять на меня руку. Ты ударил меня, когда я больше всего нуждалась в твоей поддержке, ты отдал меня мужчине, который считает возможным выслать нас из страны только потому, что все получилось не по его. Теперь подумай, стоит ли переживать о том, что ты не займешь правящую должность рядом с ним.

— Ты сумасшедшая, — выдыхает отец. — Ты сошла с ума, Лаура!

Он поднимается из-за стола, подставка для планшета летит на пол из-за его резкости.

— Ты пришла сюда после всего, что ты натворила, и ты мне все это говоришь... ты смеешь мне все это говорить?! После всего, что я для тебя сделал? Да я пытался устроить твою жизнь, чтобы ты не прыгала все время, сверкая трусами, на своих лентах! Чтобы у тебя было все! И как ты этим распорядилась?! Выбросила на помойку! Вместе с семьей! Со всеми нами! После этого ты смеешь говорить мне о любви?!

Я глубоко вздыхаю. Слова отца должны больно ранить, но боли нет. По крайней мере, я ее не чувствую: то ли срабатывает заморозка, взявшаяся во мне непонятно откуда, но очень кстати. То ли я все это пережила в тот вечер, когда очнулась после случившегося в «Алой ленте». Я не нужна ему. Он меня не слышит. Не понимает. Не хочет понимать. А я не хочу понимать его, и наверное, это уже стоит признать. Равно как стоит переставать цепляться за прошлое.

— Пожалуй, мне лучше уйти. — Я поднимаюсь.

— Тебе не стоило приходить! — кричит отец. — После того, что ты сделала, тебе не стоило даже переступать порог этого дома! Я, Ингрид... о своей сестре ты подумала?! Она только начинала учиться! Ты разрушила ее жизнь!

Его лицо искажено, я не хочу запоминать его таким. Поэтому быстро отворачиваюсь и иду к двери. Это не больно под заморозкой, нет, но это больно где-то на уровне сердца, которое все еще чувствует иначе. У двери я все-таки останавливаюсь, оборачиваюсь:

— Я переезжаю в Рагран. Если тебе интересно. Все контакты я оставлю Даргелу, поэтому когда ты будешь готов со мной говорить...

— Когда я буду готов?! — Отец раздувает ноздри. — Я жалею только о том дне, когда позволил твоей матери совершить это безумство. Ей надо было сразу сделать аборт.

Я выхожу за дверь. Он кричит мне вслед что-то еще, что-то еще падает и, судя по звуку, разбивается, но я просто прохожу по коридорам, возвращаясь в холл. Ингрид по-прежнему там, стоит, как приклеенная. Только заметив меня, указывает наверх:

— Твои вещи доставили сегодня. Забирай их и выметайся, и не вздумай приближаться к Сильви! Она проплакала весь день, и только что заснула.

Ее взгляд просто сочтется ненавистью, но я спокойно его выдерживаю. Прохожу мимо, направляюсь к лестнице.

— Как ты себя сейчас чувствуешь, Лаура? — Голос Ингрид дрожит. — Как ты себя чувствуешь, уничтожив свою семью?! Неблагодарная эгоистка!

Я лишь на миг задерживаюсь на лестнице, но потом понимаю, что это бессмысленно. Даргел оказался прав: мне сюда приезжать не стоило. Или, по крайней мере, не стоило делать этого сейчас, но с каждым шагом лед во мне становится крепче. Он нарастает броней, покрывая меня изнутри и снаружи, и каждый мой шаг становится более уверенным и жестким.

Ингрид взлетает за мной по лестнице, бросается наперерез, и закрывает дверь в комнату дочери собой.

— Не смей. Не смей к ней заходить. Слышишь?

Я отодвигаю ее с той же легкостью, с какой могла бы отодвинуть аэрокресло. Она вроде пытается вцепиться в меня, но под моим взглядом просто отступает, только глаза полыхают.

Сильви действительно спит, светлые волосы разметались по подушке. Лицо опухшее от слез, зарванное, и я сжимаю кулаки, чтобы развернуть себя на пороге и выйти, не приближаясь. Мне безумно хочется поправить ей одеяло.

Мы никогда не были лучшими подругами, но мы были сестрами.

Поэтому сейчас я все-таки подхожу к ней, убираю волнистую прядь со лба, а потом разворачиваюсь и быстро выхожу. Мимо Ингрид, к себе в комнату. В комнату, которая когда-то была моей, а сейчас заставлена сумками, которые доставили из резиденции Торна. Сумок много, но посреди них, с совершенно несчастным, растерянным видом сидит Гринни. Увидев меня, виаренок с верещанием бросается ко мне, трется об мои ноги, пытается запрыгнуть на руки.

Я подхватываю ее, и меня тут же обжигают горячим носом, а потом стирают кожу шершавым языком. Мне хватает одного такого «лизь», чтобы ссадить пушистую прелесть на пол, и потереть горящую щеку.

— Сейчас поедem, — обещаю я. — Мне нужно только найти кое-что.

Рамка с маминым фото обнаруживается в сумке с бельем. С тем самым, которое я так и не надела, и еще с несколькими комплектами. Я отставляю эту сумку в сторону, ищу костюм. Костюм, купленный на кастинг, и коньки. При должной трамбовке все даже поместится в одну сумку.

Помещается.

Она, правда, получается увесистой, но так все равно проще. Я цепляю к ошейнику Гринни поводок, но виари не перестает верещать. Крутится, беспокойно заглядывает в глаза, словно спрашивает: «Мы же вернемся к Верражу? Вернемся? Вернемся? Вернемся?»

Я понимаю, что так и не попрощалась с ним вчера, и на глаза наворачиваются слезы. Странно, разговор с отцом, Ингрид, спящая Сильви — ничто из этого не смогло вытащить их из меня, а мысли о Верраже смогли. Вот только сейчас они точно будут некстати. Поэтому про Верража я больше не думаю. Пока.

Водитель заказанного флайса косится на Гринни, но, когда видит, что я беру ее на руки, сразу успокаивается.

— В гостях были? — спрашивает он, отправляя мою сумку в багажник. — Я вот тоже в гостях с женой отмечал. Правда, вы видели, что сегодня ночью случилось?.. Так вот, я...

Я шагаю под свет фонаря на парковке, и водитель замирает. Начинает часто-часто моргать, потом захлопывает багажник и убегает на свое место. Всю дорогу молчит, даже не смотрит на меня в зеркало, как обычно бывает — случайный взгляд во время движения по скоростной магистрали. Едва высадив меня на средней парковке высотки, где живет Рин, тут же снова бросается к флайсу, и машина взмывает ввысь.

Да, сегодня ему точно будет что рассказать жене.

Я какое-то время стою рядом с сумкой, через которую туда-сюда прыгает Гринни, потом подхватываю свой нехитрый багаж и иду к дверям. Набираю на прогретой панели номер квартиры, и мне отвечает мама Рин:

— Лаура?!

Ее голос удивленный, высокий, и я смотрю в глазок камеры.

— Лаура, Рин сегодня ночует у Сэфла.

Почему я об этом не подумала? Возможно, потому что раньше она у него не ночевала (не считая исключений вроде праздников)? Ну или потому, что ферн и ферна Рибельгар всегда были против этого (не считая исключений вроде праздников, а сегодня вроде как продолжение праздников).

Надо было сразу ехать к Сэфлу. Или к Даргелу. Или в гостиницу.

Где на меня все будут смотреть примерно как водитель.

Прерывая мои мысли, раздается негромкий щелчок, и дверь открывается.

— Заходи, Лаура! — говорит мама Рин. — Заходи, заходи, не стой на морозе. Мы с Нэгом как раз собирались ужинать.

Глава 5

— То есть как обязательно? Это же тэльс!

Ветеринар сочувственно на меня посмотрела:

— Сожалею, ферма Хэдфенгер. Вы не сможете вывезти ее в Рагран без кристалла. Это международное требование для перевозки виаров всех пород людьми. Исключений нет.

Я посмотрела на Гринни. Гринни посмотрела на меня. Огромные глаза распахнулись широко-широко, виаренок подскочил, потерся о мои ноги и снова плюхнулся на попу.

— Кристаллы — это очень страшно?

— Как вам сказать. — Ветеринар протянула мне карточку — ветпаспорт Гринни, с которым я носилась вот уже пять дней. Пять дней, чтобы сейчас узнать, что мне все равно не позволят забрать ее без кристалла! — Кристалл подавляет животные инстинкты, звереныш станет ленивым, будет меньше играть. В будущем это, разумеется, тоже скажется на ее поведении, она станет больше кушать, будет еще сильнее привязана к вам. То есть если сейчас мы видим перед собой совершенно самостоятельного зверя, то из-за кристалла она утратит часть личности, будет зависима от вас. Вы станете для нее центром Вселенной, что, по моему мнению, еще не шло на пользу ни одному виару. Я бы рекомендовала вам оставить ее в Ферверне, если вам есть на кого ее оставить. Потом вы вернетесь, и...

Я не вернусь.

Вслух я этого не сказала, равно как и не поинтересовалась — она что, визор не смотрит? Скандал с расторжением помолвки продолжал полыхать — по всем каналам, во всех источниках. В сеть я уже давно не заходила, а на улицу выходила только в солнцезащитных очках, хотя к Рин журналисты добрались достаточно быстро. Сэфлу пришлось задействовать все свои связи, чтобы меня оставили в покое, но его связи были весьма ограничены, поэтому в покое меня оставили не все.

Оказываясь на улице, я уже мысленно была готова к тому, что в любой момент откуда-нибудь выскочит журналист с неудобными вопросами, и что Сэфлу придется его оттеснять. Он не выпускал меня на улицу одну, и я даже не сопротивлялась. Больше того, была отчаянно ему благодарна за то, что он, как и Рин, как и ее родные, остается со мной, и что даже воспользовался возможностью взять отпуск мергхандара, чтобы иметь возможность меня сопровождать.

— Хорошо. Я поняла. Спасибо.

Я взяла паспорт Гринни и поднялась.

Сэфл дожидался меня в коридоре, поэтому, стоило мне выйти, тут же шагнул ко мне.

— Лаура? Что случилось?

— Они говорят, что ей нужно ставить подчиняющий кристалл.

Он приподнял брови:

— Тэльсу?!

— Да. Тэльсу. Требования одинаковы для всех, и служба ветконтроля ее просто не пропустит.

Мы с Сэфлом одновременно посмотрели вниз: кроха сидела на полу и стучала хвостом. От счастья. За несколько дней она ожила, но вечерами все равно сидела у дверей и ждала, что ее отвезут к Верражу. Что, впрочем, не мешало ей наслаждаться жизнью сейчас.

— И что ты решила?

— Не могу так с ней поступить. Не могу вживлять ей эту дрянь, которая превратит ее в мягкую игрушку.

— Ладно. По дороге подумаем, что с этим делать. — Сэфл приобнял меня. — Дар с Мелори ждут нас всех на ужин, поэтому сразу летим туда. Или тебе надо переодеться?

— Нет, — я покачала головой.

— Тогда отлично. Пойдем!

— Нет. Сначала мне надо кое-куда заехать.

— Хорошо, во флайсе скажешь, куда...

— Скажу здесь, потому что не уверена, что могу тебя об этом просить. Мне нужно в Айрлэнгер Харддарк.

Сэфл выразительно на меня посмотрел. Очень выразительно. Раньше я даже не подозревала, насколько выразительным может быть его лицо.

— Мне стоит говорить о том, что это не самая удачная идея?

— Идея, может быть, и не самая удачная, но я не могу просто оставить ее в Хайрмарге. — Я взглянула на Гринни, которая уже несколько раз закрутила вокруг моих ног поводок и теперь пыталась понять, как это исправить. — У нее две привязки: Верраж и я. Если я не могу быть рядом с ней, пусть будет он.

— Это я понимаю, — Сэфл помолчал: явно хотел добавить что-то еще, но потом все-таки произнес: — Ладно. Пойдем.

Прежде чем пойти, мы распутали Гринни, и я подавила желание взять ее на руки. Расставаться с ней мне не хотелось, но еще больше не хотелось, чтобы ей снова пришлось привыкать к кому-то, пусть даже это Сэфл или Рин, которые сумеют о ней позаботиться. Сумеют же? В глубине души я понимала, что меня просто могут не пустить даже на порог Айрлэнгер Харддарк, не говоря уже о пороге кабинета Торна, но... но. Нет, я не могу оставить Гринни на друзей, ей нужен дом. Ей нужен Верраж, и только с ним она будет чувствовать себя спокойно.

Во флайсе мы молчали, на подлетах к сердцу Хайрмарга меня начало потряхивать. Не сказать, что я не чувствовала такого раньше, но к этой встрече совершенно точно была не готова. Нам не стоит встречаться. Особенно сейчас.

Гринни, словно чувствуя мое настроение, начала вертеться и жалобно пищать. Тыкалась носом мне в руки, я же снова превратилась в ледяную статую: так прошла дрожь. Сэфл изредка на меня смотрел, но не говорил ничего. Только подал руку, чтобы помочь выйти на парковке.

В двери высотки мы вошли вместе.

— Я могу...

— Не стоит. — Я покачала головой. — Просто подожди, пока все решится.

Или не решится.

— Ферна, сюда нельзя с животными... — К нам подошел охранник, но, едва я сняла очки, замер. В ледяную статую ему не грозило превратиться, потому что пламени во мне не было, но по ощущениям он окаменел.

— Это не просто виари, а подарок ферна Ландерстерга. Будьте так любезны оформить для меня пропуск. Мне нужно срочно его видеть.

Охранник пришел в себя достаточно быстро, шагнул к стойке регистрации. Спустя несколько мгновений на меня уже смотрели все: и собравшиеся за стойкой, и охранники, и визитеры Айрлэнгер Харддарк, и ее сотрудники, оказавшиеся в холле по той или иной причине. Я чувствовала, как вокруг меня замедляется жизнь и движение — только что человек или иртвак шел, и вот он уже замедляется — настолько, чтобы суметь меня рассмотреть, или хотя бы украдкой оценить, что же это за женщина, которая рискнула явиться сюда после всего.

Да, пожалуй ни одно шоу не способно было превратить меня в знаменитость так быстро.

— Ферн Ландерстерг не готов вас принять, — ко мне с предсказуемым в принципе ответом приблизился охранник.

— Что ж, в таком случае, я останусь здесь до тех пор, пока он не будет готов.

— Вы не поняли, ферна Хэдфенгер. Я настоятельно прошу вас уйти, в противном случае нам придется вывести вас силой.

— Нет, это вы не поняли. — Я улыбнулась. — За той дверью с десяток журналистов, которые будут счастливы увидеть, как ферну Хэдфенгер вышвыривает за дверь ее бывший

потенциальный супруг. Уточните у него, желает ли он лицеизреть это во всех СМИ уже сегодня, а заодно и услышать комментарии бывшей невесты. И если нет, я повторю свою просьбу: будьте так добры оформить для меня пропуск.

Журналистов за той дверью, разумеется, не было: к Айрлэнгер Харддарк без разрешения они слетаться побаивались, но в том, что я могу устроить скандал, который снимут все без исключения находящиеся в этот момент на улице, охранник явно не сомневался. Равно как и в том, что я могу дать комментарии журналистам, которые ждут чуть поодаль. О том, что они не ждут, он тоже не мог знать. Возможно, именно поэтому, поколебавшись, направился к стойке снова.

Гринни пискнула, и я опустилась рядом с ней.

— Ох, зверь, — сказала еле слышно, — знала бы ты, куда я тебя привела...

Зверь явно не знала, но мне доверяла безоговорочно. Хлопала длинными ресницами и смешно сопела, пока я чесала ее между ушей. Если бы только можно было забрать ее с собой! Если бы только можно было...

Все, я не буду об этом больше думать.

— Ферна Хэдфенгер. — Голос охранника заставил меня поднять голову. Мужчина протянул мне пропуск. — Ферн Ландерстерг вас примет.

— Чудесно. — Я поднялась. — Спасибо.

Сэфл шагнул было ко мне, но я покачала головой, направляясь к турникетам. Гринни все-таки пришлось взять на руки, внутри все мелко подрагивало — я только что выиграла битву, но самая большая битва у меня была еще впереди. Маленькое сердечко колотилось под моей ладонью чуть ли не быстрее моего, у виаров пульс чаще, чем у людей. Это я узнала, пока оформляла ветпаспорт, а вот про кристалл заранее узнать не потрудилась.

Я готова была думать о чем угодно, только не о том, что меня ждет впереди, тем не менее, в лифт вошла, гордо расправив плечи. Взгляды, прилипающие ко мне, уже давно перестали беспокоить — это была наименьшая из проблем, с которой мне предстояло столкнуться в самое ближайшее время.

Знакомая приемная и секретари с каменными лицами: молодой человек помог снять пальто, дежурно предложил кофе, от которого я отказалась. Спустила Гринни с рук, и она не то фыркнула, не то чихнула — видимо, от запаха туалетной воды секретаря, оказавшегося несколько резковатым.

— Ферн Ландерстерг вас ждет, проходите.

Я глубоко вздохнула.

И шагнула за дверь.

Торн взглянул на меня, стоило переступить порог. Я уже и забыла, каково это — находиться в его кабинете, в просторном, залитом светом, но от этого не становящимся менее холодным. Сталь, повсюду сталь и лед. Раньше этот взгляд пригвоздил бы меня к двери, но сейчас она просто с легким щелчком закрылась за моей спиной.

— Итак, Лаура, ты решила остаться.

— Что?

— Я сказал, что ты можешь уйти, пока я тебя отпускаю, — произнес он, поднимаясь из-за стола и шагая ко мне. — Но ты решила остаться. Вопрос только в том, в качестве кого.

Этот новый Торн точно был мне незнаком. Я помнила ледяной взгляд, и пламя, рождающееся за полосами вертикальных зрачков, но не стоявшего передо мной мужчину.

— Я здесь не ради тебя. Я здесь ради нее. — Я посмотрела на Гринни, которая прижалась к моим ногам. — Я не могу ее забрать с собой, и я пришла тебя попросить...

— Ты. Пришла. Попросить. — Он оборвал меня так же резко, как мог расцезать ледяную глыбу своей силой. — Хорошо. Проси.

Я замерла. Подавилась воздухом, или что там еще во мне было, вставшее поперек горла и мешающее сделать вдох. Только сейчас я заметила, что его рука — та, в которую я вложила кольцо, выглядит неестественно-жутко. Полностью покрытая чешуей, как если бы Торн начал оборот, пальцы искрятся дымкой ледяного пламени.

— Что... — Во мне хватило сил на одно короткое слово. Голос внезапно сел. — Что случилось?

— Ледяное пламя, Лаура. — Он приблизился ко мне и поднес руку к моей щеке. Иглы пламени ужалили так сильно, как если бы к коже с размаху приложили лед или раскаленный металл. Хотя он ко мне даже не прикоснулся. — Злоупотребление пламенем никогда не проходит безнаказанно, но ты здесь явно не за этим. Ты собиралась просить, так проси.

От него исходило безумное, давящее ощущение невероятной силы. Раньше я чувствовала ее иначе, сейчас же все инстинкты вопили о том, что нужно развернуться и бежать, спастись. Словно в подтверждение этому Гринни жалобно пискнула и сильнее прижалась к моим ногам. Виаренка била крупная дрожь.

— Я хочу... — Я сглотнула, глядя в эти неестественно-человеческие глаза: в них не было огня дракона, но и человеческими их назвать было нельзя, люди так не смотрят. — Я прошу, чтобы ты позволил ей остаться с Верражем. Они подружились, и он никогда не оставит ее и не даст в обиду. Если я правильно понимаю драконов...

На губах Торна мелькнула усмешка.

— Понимаешь драконов? Нет, Лаура, ты ничего не знаешь о драконах. Иначе у тебя не хватило бы смелости подняться сюда и о чем-то меня просить. И уж тем более выдвигать условия моим сотрудникам... Как ты там сказала? Желаю ли я лицедреть во всех СМИ — что? Как моя бывшая невеста снова позорится на глазах у всех? Признаюсь честно, мне плевать. Можешь прямо сейчас выйти из этого здания, можешь прямо сейчас дать интервью всем, кому хочешь. Ты думаешь, что способна меня задеть — после того, что ты уже сделала?

Вот сейчас в его глазах на миг мелькнули опасные искры пламени, которые мгновенно погасли.

— Зачем же тогда ты меня позвал? — тихо спросила я. — Почему разрешил войти?

Одно короткое движение — и поводок Гринни осыпался крошкой льда под прикосновением пальцев. Тех самых пальцев, которые непрерывно окружало серебристо-голубое свечение, подчеркивающее покрывающие его руку чешуйки. Виари взвизгнула, метнулась под стол, но не успела:

— Замри.

Короткий приказ мог остановить не то что крохотного виаренка, а зверя, дракона с немыслимой силой огня. Торн подхватил ее здоровой рукой, вышвырнул за дверь, в приемную, и вернулся ко мне.

— Хотел посмотреть тебе в глаза, Лаура. Хотел понять, что же мне с тобой делать дальше.

Несмотря на исходящую от него силу, вызывающую только одно желание: обхватить себя руками, сжаться, отступить, опустить голову — я продолжала смотреть ему в глаза.

— Посмотрел? — спросила я. — Понял?

— Вполне. — Он отступил. — Животом на стол. Ноги раздвинь.

Сначала я не поверила тому, что он сказал. Реальность обрушилась на меня мгновением позже.

— Я пришла сюда ради Гринни, — повторила, сжимая кулаки. — Это ребенок. Пусть даже ребенок виари. Если бы помощь требовалась нашему ребенку, ты бы тоже заставил меня раздвинуть ноги?

Его лицо стало страшным. На мгновение стало настолько страшным, что я чуть на шарахнулась назад. Осталась на месте только потому, что понимала: к этому зверю нельзя поворачиваться спиной. Уж точно не сейчас.

Не знаю, сколько это длилось — мгновение — или бесчисленное множество невыносимых минут, когда он, наконец, произнес:

— Если бы у нас был ребенок, Лаура, я бы не позволил тебе к нему даже приблизиться.

Теперь это был самый обычный Торн, но самый обычный Торн уже был на моих глазах совершенно другим. Далеким, незнакомым, опасным.

Настолько опасным, насколько может быть дракон.

Да, я действительно слишком мало о них знаю. Но что самое интересное...

— Я ничего не знаю о драконах, — подтвердила я, шагнув к нему. — Но больше ничего не хочу о них знать. И я искренне счастлива, что детей у нас нет.

Теперь я знала, что он меня больше не остановит, поэтому повернулась и вышла. Спокойно — на первый взгляд, хотя я поклясться могла, он чувствовал каждый мой удержанный вздох, даже самую тонкую дрожь в каждой клеточке тела, каждый удар сердца, падающего вниз. Возможно, даже струйку холодного пота, сбегавшую по спине.

Мог ли он просто швырнуть меня на стол лицом вниз? На секунду мне показалось, что да. Но быть в этом уверенной я не могла, потому что я действительно ровным счетом ничего о драконах не знала.

— Ферна Хэдфенгер, ваше пальто. — Молодой человек шагнул ко мне, а девушка — второй секретарь, была занята тем, что вытаскивала Гринни из-под стола. Впрочем, вскоре это занятие стало бессмысленным: увидев меня, виари с верещанием метнулась через всю приемную, взлетела на своих тонких крылышках и плюхнулась прямо в подставленные руки.

Я обняла ее, прижала к себе и поспешно выбежала из приемной. Мне было не до этикета и не до мыслей о том, как я выгляжу. Сердце бешено колотилось, воздуха не хватало, поэтому я свернула в первый попавшийся коридор, уткнулась лицом в густую шерсть и замерла.

— Я что-нибудь придумаю, — пообещала шепотом. — Я обязательно что-нибудь придумаю. Мы найдем способ тебя вывезти, слышишь?

Гринни пискнула, и я поняла, что слишком сильно ее сдавила.

— Прости. Пойдем, зверь.

Зверь заурчал, громко сопя носом: судя по всему, страху он пережил столько же, сколько и я, если не больше. Стоять здесь, под прицелами его камер, которыми Айрлэнгер Харддарк нашпигована, как булочка шоколадными каплями, мне не улыбалось, поэтому я глубоко вздохнула и вернулась к лифтам. После случившегося мне совершенно точно было безразлично, кто и как на меня посмотрит, а Сэфл, едва заметив, что мы вышли из лифта, стремительно шагнул к турникетам.

— Давай ее мне, — произнес он, наткнувшись взглядом на мое лицо.

Я покачала головой.

— Не надо.

— Она же тяжелая.

— Совсем нет. Правда, пушистик?

Пушистик взвиркнул, а я судорожно вздохнула.

— Мне даже не хочется спрашивать, как все прошло.

— И не надо.

Сэфл открыл передо мной дверцу флайса, и я почти упала на сиденье. Гринни немедленно сползла с рук, плюхнулась на спину и задрала лапки вверх.

— Это что еще такое? — поинтересовался Сэфл.

— Она пережила стресс.

— Только она?

— Не надо, — повторила я.

— Надо или не надо, а подвинуться вам придется. — Сэфл усмехнулся.

— Смотрите, чтобы она не испортила мне обивку! — вмешался водитель.

— Не испортит. — Снова подхватив Гринни на руки, я подвинулась, чтобы Сэфл мог сесть. — Мы недавно постригли ей когти.

В ветеринарной клинике Гринни и правда подстригли когти (и это очень ей не понравилось), но теперь она не могла превратить мою руку в лоскутки. Впрочем, когти тоже были международным требованием к перевозке, равно как и то, что ни один человек не сможет перевезти виаренка без кристалла.

Ни один...

— Сэфл, — сказала я внезапно севшим голосом. — Ни один человек не сможет перевезти виари без кристалла.

— Да, я это уже слышал, — ответил он. — И...

— Человек, понимаешь? — Я повернулась к нему. — Ни один — человек.

Кажется, он понял. На мгновение даже показалось, что вот-вот улыбнется, но вместо этого Сэфл нахмурился.

— Лаура, я невыездной, — произнес он. — И ты прекрасно это знаешь. К тому же, надо как минимум оформить новый паспорт, составить договор купли-продажи, и...

— Бен, — я перебила его.

— Что — Бен?

— Бен тоже едет в Рагран. Он уже уехал?

— Насколько я знаю, нет. Но Лаура, эта идея еще хуже, чем...

— Я знаю, что у него мерзкий характер, и я знаю, что мы с ним совершенно несовместимы на нескольких квадратных метрах. Но ради Гринни я об этом забуду. Если ты поможешь устроить нашу встречу, я...

— Лаура, Лаура, стоп! — Сэфл вскинул руки вверх. — Ты слишком быстро говоришь, я за тобой не успеваю. Это первое. И второе. Мы больше не общаемся.

Мимо нас пронесся яростно сигналящий флайс, я вздрогнула, обернулась к окну, и только тут до меня дошел смысл последних слов Сэфла.

— То есть как — не общаетесь?

— То есть так. После того, что у нас случилось, я слишком жестко расставил все точки, поэтому...

— Поэтому мне придется ехать к нему самой.

— Драконы, — пробормотал Сэфл. — У тебя вообще есть тормоза, женщина?

Гринни играючи прикусила мой палец (мне бы так: только что вся дрожала, а уже играет).

— У меня ощущение, что я тормозила всю жизнь, — ответила я, не позволяя покусать палец еще сильнее. — Больше не собираюсь. Если мне что-то нужно, мне без разницы, кто и как ко мне относится. Откажется он — найду кого-то еще.

Я выпалила все это на одном дыхании, глубоко вздохнула и откинулась на спинку сиденья. Напряжение выходило из меня вот так: рваными выдохами и поспешными фразами, мыслями о том, что я буду делать дальше. Буду. Все сделаю, чтобы забрать Гринни с собой, но в Ферверне ее не оставлю. А ведь Торн прекрасно все это знал — знал, что мне не позволят ее увезти без кристалла. Знал, что я не стану ставить этот кристалл. Знал, что я приду к нему — наверняка знал!

Я не была ир்தханессой, но то, что сейчас проснулось во мне, могло заменить с десятков озверевших драконов.

— Лаура, — прервал мои мысли Сэфл, и я повернулась к нему. — Бен — не самый лучший вариант...

— Я...

— Я не собираюсь тебя отговаривать. Бен — не самый лучший вариант. Но он — вариант, это правда. Я ему позвоню.

Я посмотрела в глаза этому мужчине. Мужчине, безумно любящему мою подругу. Мужчине, который взял отпуск на службе, чтобы носиться со мной и оберегать от желающих вытряхнуть из меня остатки сердца журналистов. Мужчине, который сделал для меня больше, чем кто бы то ни было, который сейчас отвозил меня к моему брату. Мне хотелось плакать, но вместо этого я улыбнулась.

И сказала:

— Буду очень тебе благодарна.

Глава 6

— Столько суеты из-за мелкой чешуевины с лапами, — когда мы вышли из ветклиники, Бен протянул мне карточку ветпаспорта. — Держи, бывшая владелица. Пусть до завтра побудет у тебя.

«Сам ты чешуевина с лапами», — подумала я, а вслух сказала:

— Спасибо.

— Я это делаю не ради тебя, не обольщайся.

— На каком именно заявлении мне стоит не обольщаться? Когда ты говоришь, что это делаешь ты, или когда ты говоришь, что делаешь это не ради меня?

— Вы общаетесь, как супруги с двадцатилетним стажем, — вмешался Сэфл.

Мы с Беном наградили друг друга убийственными взглядами.

Да, как-то совершенно иначе я это себе представляла: во-первых, мне только и нужно было, что приехать и переоформить на него ветпаспорт, договор купли-продажи мы сделали дистанционно. А во-вторых, он с какой-то радости меня по-прежнему невероятно раздражал — даже несмотря на то, что согласился помочь. Я должна была испытывать благодарность, потому что Гринни отправлялась со мной в Рагран. Бен даже согласился задержаться на несколько дней (он должен был уехать раньше), чтобы Гринни ехала со мной, но благодарности как не бывало. Возможно, исключительно потому, что стоило нам сегодня встретиться на парковке, он сходу заявил:

— Привет, бывшая первая ферна с коньками.

На что я ответила:

— Привет, бывший владелец частной клиники с лыжами.

Ответила на автопилоте, не задумываясь, но после этого сразу же поняла, что нормального общения у нас не получится. С другой стороны, оно мне надо — это нормальное общение? Мне надо вывезти Гринни в Рагран, мы выйдем из здания телепорта, я заберу из его рук поводок, и мы больше никогда не увидимся.

— Ладно, до завтра. — Это было сказано больше Сэфлу, чем мне. На ходу.

Хлопнула дверца флайса, и серебристо-синяя пуля взмыла по рукаву вверх.

— Все прошло лучше, чем я рассчитывал, — произнес Сэфл, разглядывая стремительно уменьшающийся флайс Бена.

— Спасибо, — ему я это сказала совершенно искренне.

— Да не за что. Готова к переезду?

Я пожала плечами. Если честно, за суетой перед защитой и выпуском из Университета мне даже не удалось как следует подготовиться. Квартуру в Мериуже, столице Раграна, я нашла практически на бегу. Только что я мониторию сайты, и вот уже у меня онлайн тур по квартире, а спустя пару часов на руках подписанный договор. Сумма оказалась ощутимой, но я не хотела жить абы где, и совершенно точно не хотела сидеть на месте после переезда. Сначала я попробую добиться кастинга в «Эрвилль де Олис», параллельно буду искать работу. Если не получится попасть на кастинг в этом году, получится в следующем, а пока буду работать по специальности. Зря я, что ли, в ХГУ училась все эти годы.

Во флайсе мы молчали. Мне сложно было представить, что я вижу вот такой ночной Хайрмарг в последний раз. Завтра рано утром у меня телепорт, и... все.

На этой мысли с губ сорвался смешок.

Сэфл накрыл мою руку своей, и я улыбкунулась.

— Я приеду на вашу свадьбу, — сказала я.

— Только попробуй не приехать, — ответил он.

До самого дома мы больше не сказали ни слова. С Рин они обменялись поцелуями, а после Сэфл сразу же уехал: ему нужно было заехать в казармы по какому-то неотложному делу. За ужином я едва сумела затолкать в себя чуть-чуть салата, чудесного, к слову сказать, на вкус. Мама Рин готовила просто волшебным, по моим ощущениям, они бы нашли общий язык с Доражем Эмери.

Воспоминания о Дораже окончательно отбили у меня аппетит, я едва дождалась завершения ужина, чтобы поблагодарить и сбежать к себе. Гринни возилась с игрушкой, которую я ей купила, а я забралась на кровать с ногами и прижала к себе подушку. Мне просто надо было кого-то обнять.

— Так, подруга. Давай-ка, двигайся. — Рин влетела без стука, плюхнулась на кровать, бесцеремонно сдвигая меня в сторону. — Сегодня я сплю с тобой, и не возражай. Вообще-то так должно было быть в ночь перед моей свадьбой, и это ты должна была говорить такие слова...

Она осеклась.

— Слушай, прости. Я не хотела.

— Да все в порядке. — Я пожала плечами. — Моя свадьба все равно была не моя.

Она была создана по политическим причинам Торном и моей семьей. Об их отъезде я узнала от Даргела. Сильви закрыла от меня свою страницу в соцсети, поэтому новость о том, что они переехали в Зингсприд, сначала прозвучала от брата, только потом — из СМИ. Перевыборы на место отца были назначены на следующую неделю.

Интересно, перевыборы на место будущей первой ферны тоже уже прошли?

При мысли об этом мне захотелось что-нибудь разбить.

Рин молчит, и чтобы неловкость не разрослась в пропасть между нами (только этого мне еще и не хватало), я накрываю ее руку своей.

— Я никогда не забуду того, что вы для меня сделали, — говорю тихо. — Ты, твои мама и папа. Сэфл.

Подруга кусает губы, а потом неожиданно меня обнимает так крепко, что на миг становится нечем дышать.

— Знаешь, — говорит мне в шею, — если я сейчас разревусь, никогда себе этого не прощу.

— Почему? — спрашиваю тихо, севшим голосом. Потому что сама близка к тому, чтобы разреваться.

— Потому что Ринара Рибельгар не плачет!

— Оу, — тихо говорю я.

А потом осторожно обнимаю ее в ответ. Рядом с Рин я чувствую. Так же остро, как до всего этого. Временами мне начинало казаться, что из меня вытряхнули все чувства, просто ссыпали в мешок, как осколки льда, и выбросили на солнце, сейчас же я понимаю, что нет. Все они живы, просто я слишком глубоко их запечатала, и пусть лучше так будет какое-то время. Какое-то время, пока я не смогу снова чувствовать как раньше.

— Так, все. — Она отстраняется. — Хватит соплепускания. Давай-ка лучше о хорошем.

Мы говорим о хорошем. Болтаем обо всякой ерунде, вспоминаем смешные моменты, которые пережили вместе. Сколько их было... Мы говорим, говорим, говорим и говорим, пока, наконец, у Рин не начинают слипаться глаза. Она засыпает под мою болтовню, тогда я укутываю ее пледом и поднимаюсь. Вряд ли я сегодня засну.

Наверное, такой и впрямь могла бы быть ночь перед свадьбой.

Перед моей свадьбой.

Я стою у окна, чувствуя вползающую в тело уже привычную дрожь. В последнее время меня часто бросало в озноб ни с того ни с сего. Первые несколько раз я думала, что простудилась, но градусник показывал нормальную температуру, даже чуть ниже обычного. Потом я

привыкла. Возможно, это последствия того, что сделал Торн — в тот вечер, когда рассказал мне об Эллегрин. А может быть, просто давление. Давление у меня, к слову, теперь постоянно низкое. Перед защитой я кувыркнулась в обморок, в медпункте ХГУ меня и осчастливили тем, что мне нужно обратиться к врачу.

Разумеется, ни к какому врачу я не пошла — когда? Теперь уже пойду в Рагране, если все это не пройдет.

До утра я успела постоять, полежать, посидеть, походить по комнате, посмотреть на сладко сопящую Рин, завернувшуюся в плед. Когда она проснулась, совершенно неудивительно, что меня уже слегка шатало. Правда, к этому моменту я благополучно заползла на кровать (я же не самоубийца — признаваться Ринни в том, что не спала всю ночь).

— Ух... — Она потирает глаза, потягивается и поворачивается ко мне. — Когда я вырубилась?

— Наверное, тогда же, когда и я.

Она смеется:

— Кажется, нам пора на завтрак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.